

Материал был подготовлен для веб-публикации и размещен на сайте «**Великая французская революция**» Юрием Карякиным (СПб) в 1999-2003 гг. Данный файл в библиотеке [Vive Liberta](#) является копией, в которую мы внесли некоторые тематические ссылки.

"КРУГЛЫЙ СТОЛ"

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века и БУРЖУАЗИЯ

Опубликовано: «Новая и новейшая история», № 1, 2002

24 апреля 2001 г. в Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН состоялся "круглый стол", организованный Центром французских исследований и Научным советом по истории социальных движений. В нем приняли участие: доктора исторических наук С.Ф.Блуменау (Брянский государственный университет; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#blum>), А.В.Гордон (Институт научной информации по общественным наукам - ИНИОН РАН; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#gord>), В.П.Смирнов (Московский государственный университет - МГУ), З.А.Чеканцева (Новосибирский государственный педагогический университет; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chek>), А.В.Чудинов (ИВИ РАН; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chud>); кандидаты исторических наук Д.Ю.Бовыкин (МГУ; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dov>), А.В.Гладышев (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#glad>), С.Е.Летчфорд (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#letchf>) (оба - Саратовский государственный университет).

Доклад А.В.Чудинова

Тезис о том, что буржуазия сыграла ведущую роль во Французской революции 1789-1799 гг., стал за прошедшие двести лет своего рода историографической аксиомой. Еще в 1790 г. Э.Бёрк в своих знаменитых "Размышлениях о революции во Франции" назвал "людей денежного интереса" в числе инициаторов и главных действующих лиц восстания против монархии(1). Его политический оппонент Дж.Макинтош, автор одной из первых исторических работ о причинах Французской революции, хотя и спорил с Бёрком по другим вопросам, эту мысль не только поддержал, но и развил: "Представители торговых и финансовых кругов всех европейских стран меньше страдали предрассудками, были более либеральными и образованными, чем земельные собственники - джентри. Их кругозор расширился, благодаря разветвленным связям со всем человечеством: сказалось большое влияние торговли на распространение в современном мире духа свободолюбия. Мы не должны удивляться, что этот просвещенный класс более других предан свободе и является самым ревностным сторонником политических преобразований"(2).

Впрочем, и для Бёрка, и для Макинтоша, и для других участников дебатов о Французской революции, развернувшихся в Англии 90-х годов XVIII в., этот тезис не имел принципиального значения. Те, кто его высказывал, вольно или невольно проецировали на французские события ситуацию в британском обществе, где торгово-промышленные круги действительно уже достаточно давно были активным субъектом политики. Однако, узнавая больше о происходившем во Франции, некоторые авторы порою существенно меняли свой взгляд на роль предпринимателей в Революции, как это сделал, например, Бёрк(3).

Развернутое обоснование данный тезис получил несколько позднее - во французской либеральной историографии эпохи Реставрации, став краеугольным камнем трактовок Французской революции, предложенных Ф.Минье и А.Тьером. Суть событий конца XVIII в. они видели в борьбе за власть между общественными "классами" - "аристократией" ("привилегированными"), "буржуазией" ("средним сословием") и "народом". Так, Минье утверждал, что падение абсолютной монархии в 1789 г. было прямым следствием предшествующего возвышения "буржуазии": "Сила, богатство, просвещение, самостоятельность среднего сословия увеличивались со дня на день, и оно должно было побороть королевскую власть и ограничить ее"(4). Этому "классу" Минье отводил ведущую роль в революции с ее начала и до 10 августа 1792 г. - дня, когда, по его словам, произошло "восстание народа против среднего сословия и конституционной монархии, подобно тому, как 14-ое июля было днем восстания среднего сословия против привилегированных классов и абсолютизма короны"(5).

Именно после трудов историков эпохи Реставрации, подчеркивает французский исследователь А.Собуль, тезис о том, что революция была "завершением долгой экономической и общественной эволюции, которая и привела буржуазию к власти и к экономическому господству", становится неотъемлемой чертой "классической" интерпретации революционных событий: "Со времен Реставрации историки либеральной школы, даже если они нисколько не интересовались экономическими истоками общественного развития, энергично подчеркивали одну из главных особенностей нашей национальной истории: появление, рост и конечную победу буржуазии; занимая промежуточное место между народом и аристократией, буржуазия постепенно создала кадры и выработала идеи нового общества, освящением которого стал 1789 год"(6).

Для марксистской историографии, которая в XX в. вышла на ведущие позиции внутри "классического" направления, данный постулат имеет также крайне важное идеологическое значение. Как известно, сочинения французских либеральных историков эпохи Реставрации о противоборстве буржуазии и дворянства явились тем источником, откуда основоположники марксизма, по их собственному признанию, почерпнули идею классовой борьбы, ставшую одной из фундаментальных основ их учения. Придав ей значение универсального социологического закона, К.Маркс и Ф.Энгельс объявили революции "движущей силой" истории в целом. Сама же история в их учении представляла чередой социально-экономических формаций, сменявших друг друга в ходе революционных потрясений. Во Французской революции XVIII в. классики марксизма видели наиболее яркий пример "буржуазной революции", приведшей к смене феодального строя капиталистическим. "Франция, - писал Энгельс в предисловии к немецкому изданию 1885 г. "Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта", - разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна"(7). Согласно теоретикам марксизма, во Французской революции XVIII в. именно "буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения"(8).

В советский период марксизм был императивно предписан отечественной историографии в качестве единственно возможной методологии. Соответственно, положения о "буржуазном характере" Французской революции и о ведущей роли в ней буржуазии, изначально лежавшие в основе ряда ключевых положений марксистской теории, воспринимались советскими исследователями как непреложные постулаты. Сколь бы острые споры не вели между собою наши историки относительно других аспектов Французской революции, по данному вопросу между ними царил полное согласие. Возьмем, например, два неоднократно переиздававшихся обобщающих труда, написанных А.З.Манфредом и В.Г.Ревуненковым. Непримиимые оппоненты в дискуссии о социальной природе якобинизма, эти историки не имели ни малейших расхождений в вопросе о характере Революции и роли в ней буржуазии. Манфред писал: "Французская буржуазная революция открыла новый исторический период - период победы и утверждения капитализма в передовых странах. В исторических условиях своего времени французская буржуазия XVIII в. выступала как молодой, смелый революционный класс..."(9). Такого же мнения придерживался и Ревуненков: "Эта революция смела отжившие средневековые порядки не только в самой Франции, но и далеко за ее рубежами, дав тем самым мощный импульс формированию новой социально-экономической системы - системы капитализма и буржуазной демократии..."(10) Что же касается руководящей роли буржуазии, то Ревуненков определял как "буржуазные" все политические "партии", поочередно сменявшие друг друга у власти с 1789 по 1799 годы.

Тесная связь подобной трактовки Революции с идеологией долгое время не позволяла отечественным историкам принять многие из тех результатов, что были получены в ходе исследований, проводившихся по данной проблематике за рубежом с середины 50-х годов. Предпринятая тогда в Западной Европе и Америке ревизия концептуальных основ "классического" видения Французской революции послужила мощным стимулом для активизации соответствующих научных изысканий историками всех направлений. Советская же историография сначала просто игнорировала идущие на Западе дискуссии по этим проблемам, а с середины 70-х годов заняла однозначно негативную позицию по отношению к любым попыткам сделать основы марксистской интерпретации предметом научного обсуждения(11).

Смягчение, а затем и полное прекращение идеологического контроля за историческими исследованиями во второй половине 80-х годов открыло возможность для свободной дискуссии и на эту тему, о чем свидетельствуют выступления участников "круглого стола", проходившего в Институте всеобщей истории РАН 19-20 сентября 1988 г., и прежде всего - А.В.Адо, Е.В.Киселевой и А.В.Ревякина(12). В том же и следующем году вышли по данной проблематике статьи А.В.Ревякина(13), а в 1989 г.- коллективный труд под редакцией А.В.Адо "Буржуазия и Великая французская революция", состоявший из четырех очерков, авторы которых постарались учесть и использовать результаты соответствующих зарубежных работ последнего времени.

Однако на этом движение нашей историографии в данном направлении, увы, застопорилось. Сложившаяся у многих представителей среднего поколения историков Французской революции "аллергия" на марксизм, который им в советские годы навязывался в качестве единственно возможной методологии, имела в постсоветский период своим побочным результатом резкое падение интереса к социально-экономической проблематике, некогда приоритетной для марксистской историографии. Показательно, что 1990-е годы у нас в стране была опубликована всего лишь одна (!) статья по социально-экономической истории Французской революции(14).

Но от того, что об этих проблемах перестали говорить, они отнюдь не исчезли. Более того, необходимость их обсуждения ощущается сейчас еще острее, чем десять-двенадцать лет назад, поскольку за прошедшие годы значительно увеличился разрыв между уровнем знаний о Французской революции, достигнутым мировой историографией, и ее образом в отечественной научно-популярной и учебной литературе, адресованной более или менее массовому читателю, - разрыв, на который обращали внимание еще участники вышеупомянутого "круглого стола" 1988 г.(15) Природа не терпит пустоты, и, пока профессиональные историки молчат, популяризаторы вынуждены тиражировать давно устаревшие клише.

На этом "круглом столе" я предлагаю обменяться мнениями о роли и месте буржуазии во Французской революции, какими они видятся нам в свете новейших достижений зарубежной историографии и тех исследований, которые ведет каждый из нас. Поставленные ниже вопросы, надеюсь, позволят несколько конкретизировать предмет разговора. В то же время, сопровождающие их комментарии ни в коей мере не надо рассматривать как претензию на окончательный ответ: это только приглашение к дискуссии.

Кто был "буржуазией" во Франции XVIII в.?

На первый взгляд, вопрос выглядит наивно, ведь речь идет об одном из основных понятий, уже не одно десятилетие употребляемых в отечественной научной литературе. Его дефиниции есть практически во всех словарях и энциклопедиях. Так, согласно "Большой советской энциклопедии", буржуазия - "господствующий класс капиталистического общества, обладающий собственностью на средства производства и существующий за счет эксплуатации наемного труда"(16). А вот какое определение дает вышедший уже в постсоветский период "Иллюстрированный энциклопедический словарь": "общественный класс собственников капитала, получающих доходы в результате торговой, промышленной, кредитно-финансовой и другой предпринимательской деятельности"(17). Как видим, в обоих случаях на первом месте - социально-экономическое содержание понятия. Подобная трактовка опирается на труды теоретиков марксизма, также вкладывавших в данную категорию прежде всего социально-экономический содержание: "современная буржуазия сама является продуктом... ряда переворотов в способе производства и обмена"(18) и т.д. Именно капиталистическая, предпринимательская буржуазия, по мнению основоположников марксизма, и одержала верх во Французской революции XVIII в.: "Победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, ...конкуренции над цеховым строем" и т.д.(19)

Аналогичным образом трактовала буржуазию конца XVIII в. и советская историография. Характеризуя социальный состав населения предреволюционной Франции, авторы вышедшего в 1941 г. фундаментального коллективного исследования по истории Революции относили к верхушке буржуазии "крупных финансистов, откупщиков, крупных купцов-оптовиков, арматоров-работоторговцев, промышленников, владевших копиями, железозаводчиков", а к средней буржуазии - "купцов, владельцев небольших мануфактур и т.д."(20), то есть лиц, занятых предпринимательством в сфере производства, торговли или финансов. Точно так же описывали буржуазию Старого порядка авторы других, вышедших в последующие годы у нас в стране общих работ о Французской революции(21). Да и сегодня эта точка зрения достаточно часто встречается в отечественной учебной и научно-популярной литературе. Так, авторы недавно вышедшей "Всемирной истории", под буржуазией, которая во Франции XVIII в. "возглавила революцию", понимают "промышленников и коммерсантов"(22). О том же говорится и в одном из новейших учебников для вузов: "Во второй половине XVIII в. против абсолютизма поднимается мощная волна оппозиции. Промышленники, которые уже не нуждались в опеке абсолютизма, были во главе этой оппозиции"(23).

Между тем, в свете дискуссий, прошедших в зарубежной историографии второй половины XX в., подобное представление о буржуазии Старого порядка выглядит сегодня излишне упрощенным. Еще почти полвека назад английский историк А.Коббен в нашумевшей лекции "Миф Французской революции" (1954) поставил под сомнение его обоснованность(24). Развивая свои мысли в книге "Социальная интерпретация Французской революции", он подчеркивал, что марксистская историография, характеризуя социальную структуру Старого порядка, относит к "классу буржуазии" социальные группы, имевшие разное положение в обществе, разные интересы и по-разному смотревшие на перспективу преобразований. Объединение же их всех в одном понятии "буржуазия" лишь затушевывает эти реально существовавшие различия(25).

Более того, отмечал Коббен, та социальная группа, которая при Старом порядке собственно и называлась "буржуазией", в действительности не имела ничего общего с предпринимательскими слоями или, иными словами, с "буржуазией" в марксистском понимании: "Это были рантье и собственники, жившие "на дворянский манер", то есть ничем не занимаясь, в основном на доходы или ренты от собственности и от государственных и частных займов. По своему богатству и образу жизни они принадлежали к дворянству среднего достатка и во многом разделили его судьбу - какой бы она ни была - во время революции"(26). В данной связи любопытно заметить, что в советской историографии не проводилось различия между термином "буржуазия" в том смысле, в котором его употребляли французы XVIII в., и марксистским понятием "буржуазии" как "класса". Например, А.З.Манфред, процитировав известную фразу Робеспьера: "Внутренние опасности исходят от буржуазии" и т.д., комментировал ее следующим образом: "Робеспьер говорил об опасности, исходившей от буржуазии. Это значит, что он хорошо понимал, какой класс стоит за противниками монтаньяров"(27). Подобное смешение понятий вело к искусственной модернизации представлений политика XVIII в., которому фактически приписывалась способность к классовому анализу в марксистских категориях.

Критика Коббеном марксистской концепции "буржуазной революции", как известно, положила начало продолжительным дебатам между сторонниками "классической" и "ревизионистской" интерпретаций французской событий конца XVIII в. Не станем задерживаться на перипетиях этой дискуссии: они подробно рассмотрены в специальной литературе(28). Обратим внимание лишь на то, что несмотря на весьма негативное в целом отношение к начатой Коббеном "ревизии", представители западной "классической" историографии, как правило, соглашались с тем, что проблема с определением понятия "буржуазия" - одного из ключевых для данной проблематики - действительно существует. Вот что об этом, например, писал Ж.Лефевр: "Признаем также, что г-н Коббен прав, выделяя различные категории внутри буржуазии и сожалея, что роль движения идей преуменьшается до крайности. Я и сам утверждал, что прогрессивная часть буржуазии состояла не только из тех, кто, развивая производство, подрывал основу Старого порядка..."(29) Впрочем, даже признавая правоту Коббена в этом вопросе, Лефевр, как мы видим, попытался смягчить его вывод: на самом деле английский историк говорил не о "различных категориях внутри буржуазии", а о различных "буржуазиях".

Предложенное Коббеном "дробление" прежде единого понятия "буржуазия" на несколько было неприемлемо для историков-марксистов по идеологическим соображениям. Собуль прямо расценивал это как посягательство на классовый подход, святая святых марксистской интерпретации: "...Слово "буржуазия" чаще всего употребляется во множественном числе даже французскими историками. Не таится ли здесь более или менее явное намерение отрицать социальную реальность или по крайней мере реальность существования классов?"(30) Однако и он отнюдь не возражал против того, чтобы само понятие было уточнено: "...Вспомним о спорах по поводу слова буржуазия. История может двигаться вперед только при том условии, что она будет опираться на ясно разработанные направляющие концепции. ...Важно было бы договориться об этих необходимых концепциях и определениях, разумеется, могущих подвергаться изменениям и усовершенствованию"(31).

В отечественной историографии, пожалуй, впервые попытка исследовать состав буржуазии Старого порядка, идя от исторических реалий, а не от постулатов марксистской теории, была предпринята в упоминавшемся выше коллективном труде "Буржуазия и Великая французская революция" Е.М.Кожокиным. Проведя на основе широкого фактического материала, в том числе собранного за последние десятилетия зарубежными учеными, детальный анализ содержания этой социальной категории в XVIII в., он, однако, попытался соединить полученные результаты с традиционными для советской историографии представлениями о буржуазии как "капиталистическом классе". Вследствие этого искусственного сочетания, образ буржуазии Старого порядка получился, пожалуй, излишне аморфным: "образование многослойное, имевшее капиталистическое ядро и более или менее удаленные, но тяготеющие к нему по характеру доходов, по экономическим, политическим, культурным устремлениям социальные группы"(32).

Вместе с тем, Е.М.Кожокин подчеркивает, что социальный слой, определявшийся при Старом порядке как собственно "буржуазия", имел, в действительности, мало общего с капиталистическим предпринимательством. В XVIII в., сообщает он, термином "буржуа" обозначали "ротюрье, не занимающегося какой-либо производительной деятельностью, человека, пользующегося определенным достатком, живущего "на благородный манер", на государственную или частную ренту"(33). Причем, со второй половины XVIII в. именно это значение слова было доминирующим. Впрочем, Кожокин отмечает, что существовало и другое, также применявшееся в XVIII в., более широкое и менее четкое значение термина "буржуазия" - верхний слой городских жителей, принадлежавших к третьему сословию и обладавших (в зависимости от местных нюансов) определенным юридическим статусом(34).

В зарубежной научной литературе также нет единой дефиниции этого понятия. Констатируя, что в XVIII в. оно употреблялось в разных смыслах, авторы выбирают какой-либо из них в зависимости от собственных предпочтений. Так, видный английский специалист по истории Старого порядка У.Дойл предлагает следующее, достаточно широкое определение: "Изначально слово "буржуа" означало просто жителя города, но, исходя из того, что буржуа, по определению, не занимались физическим трудом, они отличались этим от остального городского населения. Буржуазия, таким образом, состояла из имущих ротюрье, живших в основном в городах..."(35). При подобном подходе, в категорию "буржуазии", действительно, попадает некоторая часть предпринимателей, например, крупные торговцы - негоданты. Однако и здесь это понятие имеет скорее культурно-правовое, нежели социально-экономическое значение, поскольку большинство соответствующих данному определению социальных групп (судейские, держатели должностей, рантье) не имело ничего общего с капиталистическим предпринимательством(36).

Близкой к этой точке зрения придерживаются и такие авторитетные французские исследователи, как П.Губер и Д.Рош. Рассмотрев разные определения понятия "буржуазия", существовавшие во Франции XVI-XVIII вв., они пришли к выводу, что, согласно наиболее распространенному из них, в него входила верхушка городского населения (*bons citoyens*), состоявшая в основном из лиц трех категорий: держателей должностей (*officiers*), торговцев (*marchands*) и получателей различного рода рент. Их всех объединял лишь одинаковый, "буржуазный", образ жизни, отличный от того, что вели, с одной стороны, дворяне, с другой - простолюдины. В остальном каждая из перечисленных категорий имела мало что общего с другими, тоже входившими в состав "буржуазии". Они столь радикально отличались друг от друга и по источникам дохода, и по роли в общественно-политической жизни, и даже по своей социальной психологии, что авторы исследования сочли возможным назвать соответствующую главу "Буржуа и буржуазии", употребив понятие во множественном числе. Причем, из всех этих "буржуазий" к капиталистическому предпринимательству имела прямое отношение лишь одна - торговцы(37).

Что касается предпринимательства, то новейшие исследования показывают: занимавшийся им экономически активный слой французского общества конца XVIII в. состоял не только из ротюрье, но и в значительной степени из представителей привилегированных сословий(38). В свое время французские историки-марксисты предложили определять буржуазию по следующим признакам: 1) свободно распоряжается средствами производства; 2) применяет на основе свободного договора рабочую силу, располагающую только своей способностью к труду; 3) присваивает вследствие этого разницу между стоимостью произведенного товара и оплатой затраченного труда(39). Однако, если приложить эти критерии к реально существовавшей социальной структуре Старого порядка, то окажется, что им в полной мере соответствуют дворяне Ле Камю де Лимар, основатель знаменитых медеплавильных Ромийи, или Игнас де Вандель, владелец еще более знаменитого металлургического предприятия Крезо, но уж никак не те бездеятельные рантье, которые собственно и назывались "буржуазией". Таким образом, казавшееся некогда простым и самоочевидным понятие утрачивает в свете новейших исследований прежний смысл и определенность, распадаясь фактически на несколько других, одинаково именуемых, но почти не связанных между собою.

Итак, кого же во Франции конца XVIII в. можно считать "буржуазией"? Именованный таким образом слой экономически пассивных рантье? Городскую верхушку третьего сословия в целом? Капиталистических предпринимателей, в число которых входили представители всех сословий, в том числе привилегированных? Или, действительно, точнее говорить не об одной, а о многих "буржуазиях"(40)

Впрочем, какой бы ответ мы не выбрали, сама по себе констатация того, что буржуазия была "разной", логически влечет за собою новый вопрос:

Какая буржуазия совершила Революцию?

Коббен, пожалуй, первым поставивший эту проблему в подобном ракурсе, предложил проводить различие между буржуазией "растущей" (rising) и "приходящей в упадок" (falling). К первой он относил предпринимателей, занятых в торговой (в т.ч. мануфактуристы) и финансовой сферах, ко второй - оффисье и близких к ним по своим интересам лиц свободных профессий. При Старом порядке первая из этих двух социальных групп, по мнению английского историка, процветала, благодаря происходившему в стране экономическому росту. Положение второй, напротив, ухудшалось из-за непрерывного падения цен на покупные должности и сокращения доходов их держателей. Соответственно, предприниматели не имели сколько-нибудь серьезных оснований желать ниспровержения Старого порядка, а потому и не играли в революции столь заметной роли, как оффисье, которые собственно и возглавили движение против монархии. Именно держатели должностей и лица свободных профессий, то есть категории населения, далекие от капиталистического предпринимательства, и оказались, по словам Коббена, той "революционной буржуазией", что разрушила Старый порядок. И хотя революция действительно освободила экономическую деятельность от многих существовавших еще со времен средневековья ограничений, в этом она лишь продолжила политику, начатую еще министрами-реформаторами при Старом порядке(41). Свои размышления о том, какая буржуазия совершила Революцию, английский историк подкрепил ссылками на состав Учредительного собрания и Конвента, где торговцы, мануфактуристы и финансисты находились в явном меньшинстве (соответственно 13 и 9%), а большинство депутатов третьего сословия составляли оффисье (43 и 25%) и лица свободных профессий (30 и 44%)(42).

В дискуссии, вызванной выступлением Коббена, не раз отмечалось, что его концепция не свободна от некоторых упрощений и неточностей. Так, по мнению Дойла, исследовавшего динамику цен на продаваемые должности во Франции XVIII в., Коббен ошибался, говоря об устойчивой тенденции к снижению их рыночной стоимости. По утверждению Дойла, накануне Революции цены на большинство должностей, напротив, росли, что, по его мнению, не дает оснований расценивать оффисье как "приходящую в упадок буржуазию"(43).

Вместе с тем, многочисленные исследования, мощным стимулом для проведения которых стала указанная дискуссия, подтвердили, что поставленные Коббеном проблемы в целом актуальны и заслуживают самого пристального внимания. Не затрагивая всех аспектов этих дебатов, коснусь некоторых из них.

Наблюдение Коббена относительно существенных различий в экономических интересах и политических устремлениях разных "буржуазий" - в частности, предпринимателей с одной стороны и оффисье вместе с лицами свободных профессий ("буржуазии таланта", как их еще иногда называют) с другой - нашло подтверждение в целом ряде локальных исследований. Возьмем для примера такие большие, но столь непохожие друг на друга города, как Тулуза и Марсель.

Тулуза, где торговля и промышленность имели относительно слабое развитие, была известна прежде всего как один из ведущих административно-судебных центров. Расположенные там многочисленные суды обеспечивали городу важную роль в жизни страны и служили основным источником дохода для населения. Не удивительно, что именно судейские и, прежде всего, адвокаты парламента составляли наиболее влиятельную и богатую социальную категорию внутри третьего сословия(44). Их образ жизни, существенно отличавшийся от того, который вело большинство коммерсантов, был близок к образу жизни дворян-землевладельцев. Свободные средства судейские также предпочитали вкладывать в приобретение земли(45). Хотя социальная мобильность между группами, составлявшими верхушку третьего сословия, в частности, между капиталистической и некапиталистической буржуазией, имела место, однако масштабы ее были достаточно ограничены. Так, отцы 31,6% адвокатов тоже были адвокатами; 23,6% - юристами других специальностей (прокурорами, нотариусами и т.д.); 15,8% - буржуа-рантье и лишь 12% - коммерсантами(46). В период Предреволюции судейские в целом и адвокаты парламента в частности играли как самая просвещенная и политически наиболее активная социальная группа ведущую роль в организации парламентской оппозиции монархии. С началом же Революции и переходом Тулузского парламента в лагерь ее противников, лидерами "антиаристократического" и антимонархического движения стали опять же не торговцы или мануфактуристы, а служащие судов низшей инстанции(47). Ни о каком противоборстве препринимательской буржуазии и дворян-землевладельцев не было и речи(48). Даже такой авторитетный представитель "классической" историографии, как Ж.Годшо, признал, что политическая борьба в Тулузе конца XVIII в. не вписывается в марксистские представления о "классовом конфликте"(49).

В Марселе, одном из ведущих центров морской торговли, между негоциантами и собственно "буржуазией", т.е. верхним слоем городского населения, не связанным с коммерцией, при Старом порядке тоже существовали глубокие различия не только по источникам доходов, но и по культурному уровню и повседневному образу жизни(50). С начала же революции эти социальные группы повели между собою острую борьбу за влияние в городе. Как показал в своем исследовании британский историк У.Скотт, негоцианты, наиболее богатая и просвещенная часть населения, традиционно игравшая ведущую роль в жизни Марселя, связывали с созывом Генеральных штатов надежды на умеренные реформы по улучшению государственного управления. Однако, оказавшись в период избирательной кампании объектом резких нападков со стороны некапиталистической "буржуазии", они заняли оборонительную позицию, пытаясь сохранить свое руководящее положение. За подписание "патриотических" петиций негоцианты увольняли подчиненных, причем, даже столь уважаемых, как капитаны морских судов; оказывали грубое давление на избирателей, наполняя собрания "буржуазии" своими людьми; а 19 августа 1789 г. даже тайно обратились к властям с просьбой ввести в Марсель королевские войска и предать суду "патриотических" лидеров. И все же марсельским негоциантам не удалось сохранить принадлежавшую им ранее власть в городе: в феврале 1790 г. был избран новый, "буржуазный" муниципалитет(51).

Если даже французские предприниматели при Старом порядке и поддерживали идею тех или иных преобразований, при этом они были далеки от каких-либо революционных устремлений(52). Французский историк Ж.П.Ирш пришел к подобному выводу в результате анализа такого массового источника, как прошения торговых палат и консульских судов, поданных в 1788 г. королю и в королевский совет в связи с предстоявшим созывом Генеральных штатов, а также соответствующей официальной корреспонденции. Его исследование показало, что реальные чаяния предпринимателей не имели ничего общего с экономическим либерализмом, который проповедовали физиократы. Скорее наоборот. В физиократах - "людях системы" - коммерсанты видели своего злейшего врага и крайне негативно относились к выдвигавшимся философами Просвещения требованиям равенства перед законом и отмены привилегий. Не принимая идею единой и общей для всех свободы как отсутствия ограничений, деловая элита Франции стремилась к упрочению своих традиционных корпоративных свобод. "В конечном счете, - писал Ирш, - сами эти прошения были не чем иным, как требованием привилегий, подкреплявшимся ссылками на предыдущие привилегии. Надо ли нам удивляться тому, что для мышления, отвергавшего абстрактное единство закона, привилегия оставалась основной формой свободы?"(53)

Исследование Ирша продемонстрировало, что, вопреки широко распространенному в "классической" историографии мнению, капиталистические предприниматели не испытывали вражды к дворянам-землевладельцам(54). Напротив, видя в земельной собственности наиболее надежный, а потому и наиболее притягательный объект инвестиций, владельцы торгового капитала рассматривали свой переход в статус землевладельца через аноблирование, либо иным путем, как оптимальную для себя перспективу. Вот почему, отмечает Ирш, "ничто не кажется более чуждым идеологии предпринимательской Франции, чем дух 4 августа"(55). Даже если "капиталистическая буржуазия" и выиграла от Революции, заключает историк, сознательно действующим субъектом последней она явно не была.

Анализ социального состава депутатского корпуса Учредительного собрания и Конвента, предпринятый Коббеном, пробудил у исследователей повышенный интерес к этим сюжетам. Многолетние изыскания в данной области, проводившиеся коллективом историков под руководством Э.Х.Лёмэй(56), увенчались созданием фундаментального "Словаря депутатов Учредительного собрания"(57). Содержащиеся в нем сведения позволили уточнить нарисованную Коббеном картину, но не внесли в нее принципиальных изменений. Так, по мнению Коббена, из 648 депутатов от третьего сословия капиталистическим предпринимательством в качестве негоциантов, мануфактуристов и банкиров занимались лишь 85 или 13%. По данным Лёмэй, в указанную категорию входило 93 депутата, что от 665 (654 депутатов третьего сословия + 11 депутатов-недворян от колоний) составляло примерно 14% или 7% от 1315 - общего количества депутатов Учредительного собрания (включая заместителей, которые заменили выбывших депутатов)(58). Подавляющее же большинство представителей третьего сословия составляли различного рода оффисье (330 или 50%) и лица свободных профессий (174 или 26%, из них 146 - адвокаты)(59). И хотя эти уточненные данные несколько расходятся с подсчетами Коббена (оффисье - 43%; адвокаты и прочие лица свободных профессий - 30%)(60), в целом его вывод подтверждается: в депутатии третьего сословия доминировала "буржуазия таланта" (у Коббена - 73%, у Лёмэй - 75%), тогда как "предпринимательская буржуазия" находилась в явном меньшинстве (соответственно - 13 и 14%).

Хотя подобное соотношение само по себе достаточно красноречиво, его констатация, разумеется, еще не может рассматриваться в качестве ответа на вопрос: какая буржуазия делала революцию. Гипотетически вполне возможно себе представить ситуацию, когда активное и сплоченное меньшинство в борьбе за свои интересы увлекает за собою часть социально отличного от него большинства. Однако приведенные в "Словаре" Лёмэй сведения не дают оснований для подобной гипотезы. Депутаты-предприниматели не принадлежали ни к лидерам, ни к наиболее активной части Учредительного собрания. Ни один из них не входил в число 53 ораторов (от всех сословий, в т.ч. 32 от третьего), выступавших в прениях "очень часто" (по классификации Лёмэй), и лишь 4 оказались среди 96 ораторов (59 от третьего сословия) выступавших "часто". Причем, необходимо подчеркнуть, что выступления даже этих четверых (П.Л.Гудар, Ж.Б.Ле Куто де Кантелло, П.П.Нэрак, П.А.Руссийу) касались, за единичным исключением, различных аспектов торговли, денежного обращения и отношений с колониями, но ни разу (!) - политических вопросов общенационального значения. Лишь чуть больше половины депутатов-предпринимателей (48 из 93) участвовали в работе парламентских комитетов. Их политические пристрастия тоже были весьма неоднородны. В каждом из двух голосований, по которым сохранились поименные сведения о волеизъявлении, примерно 2/3 предпринимателей вотировало с "левыми", а 1/3 - с "правыми". Как видим, эти данные ни в коей мере не противоречат мнению Коббена о том, что марксистская историография без достаточных на то оснований приписывала роль "гегемона" во Французской революции капиталистической буржуазии.(61)

Но если не предприниматели, то кто же стоял во главе революционного движения? Дискуссия об этом пока далека от завершения. Остается еще слишком много вопросов, ответы на которые могут дать только дальнейшие изыскания. В своих размышлениях я ограничился лишь начальным этапом Революции, попытавшись показать, насколько, в свете конкретных исследований, исторические реалии оказываются сложнее устоявшихся идеологических клише. А ведь такими клише изобилует историография всех периодов Революции. Это и "реакционно-монархическая феианская крупная буржуазия"(62), и "жирондистская крупная торгово-промышленная буржуазия",(63) и "демократическая средняя буржуазия", входившая, по мнению Манфреда, в якобинский "блок",(64) и "леворадикальные элементы буржуазии", являвшиеся, согласно Ревуненкову, опорой "якобинской буржуазной диктатуры",(65) и, наконец, "хищническая термидорианская буржуазия".(66)

Разумеется, на нашем "круглом столе" мы вряд ли ответим на все поставленные здесь вопросы. Однако чтобы продвигаться вперед в поиске ответов, эти вопросы необходимо ставить и обсуждать.

Дискуссия

А.В.Гордон. В начале А.В.Чудиновым обсуждении я считаю актуальным не только переосмысление роли буржуазии в Революции и значения Революции в судьбах буржуазии (в обоих этих направлениях доклад Александра Викторовича вносит необходимую свежую струю), но и переосмысление самой концепции Революции, а, если быть точным - выработку новой парадигмы. Развернувшиеся в 60-х годах в общественном сознании и историографии ("ревизионистская атака") процессы заметно ослабили "миф Революции", представление "классической" традиции о Революции как необходимой и неизбежной форме исторического прогресса. Вместе с прогрессистским "мифом" встал вопрос и о самом понятии "революция", поскольку обнаружилась тенденция к замещению его каким-либо словообразованием типа "известные французские события двухсотлетней давности"(67).

Задача исследователей в этих условиях заключается, по-моему, в том, чтобы сохранить понятие "Французская революция" не просто как дань историографической традиции, а как сохраняющую эвристические возможности эпистемологическую конструкцию, наполнив новым содержанием. Для этого понимание революции должно освободиться от прогрессистского "мифа". Концепция прогресса сохраняет значение и в предлагаемой мной парадигме, но в своем субъектно-ценностном аспекте, поскольку в качестве ценности идея прогресса занимала несомненное место в революционном сознании(68). А вот картина перемещения французского общества из пункта Ф(еодализм) в пункт К(апитализм) в соответствии с неотвратимо-объективной логикой поступательного восхождения человечества к идеальному обществу, уже мало что может дать для исследования революции.

Подходы 60-х годов, внедрявшиеся в историографию революции и "классиками", и "ревизионистами", несомненно, способствовали обогащению понимания этого перемещения, и я отнюдь не призываю отказаться от концепций "длительного времени", макроэкономических циклов, воспроизводящихся структур ментальности и т.п. Они сыграли свою роль и остаются полезными в анализе тех сторон истории, для исследования которых они были предложены. Но, вслед за А.В.Адо(69) и еще с большей убежденностью, проистекающей из оценки прошедших трех десятилетий, я не могу не констатировать - объективистская процессуальность подминает событийность.

На современном уровне знаний и в интересах складывающегося типа исторического сознания нужно восстановить полноценность видения революции как уникального исторического явления, как События, то есть особого бытия исторического субъекта, специфического состояния общества. Для этого функциональному осмыслению революции как средства перехода по маршруту Ф-К я противопоставляю образ "целого мира, полного жизни и действия"(70). Перед исследователем революции самодовлеющая целокупность, подлежащая объяснению из самой себя. Она выражает свою специфику не системностью, а спонтанностью. Объективная обусловленность ее проявляет себя субъективной или ситуационной логикой (низы "не хотят", верхи "не могут", по наиболее известному определению революционной ситуации). Ее ход не может быть запрограммирован, она не подчиняется планам политических лидеров и склонна "пожирать своих детей".

У нее были подъемы и спады, но потенциал революционной энергии казался неисчерпаемым. Неоднократные попытки остановить развитие процесса, введя его в рамки конституционного порядка, встречали противодействие, оборачивавшееся новым ожесточением борьбы. Революция находила силы для своего продолжения в самой себе, в том состоянии общества, которое она породила.

Отыскивать авторство революции среди личностей, "групп влияния" или классов малопродуктивно в силу ее спонтанности. Традиционные операции с установлением "революционных" и "контрреволюционных" сил сводились, в конечном счете, к закреплению субъектов на обозначенной траектории прогресса. Между тем, как показал А.В.Чудинов, "двигали" революцию отнюдь не те, которым было положено с точки зрения капиталистического прогресса. Логика последнего не работает не только "сверху", но и "снизу"(71). Революционизировались, в первую очередь, силы, которым этот прогресс угрожал. Более заметными в революции оказались не рабочие фабрик и мануфактур, а ремесленники, которым он грозил исчезновением. И в деревне мобилизующим фактором было столкновение крестьянской массы с теми (привилегированными и непривилегированными), кто выступал носителями капиталистических отношений.

В поведении того или иного социального слоя не следует искать строгой экономической обусловленности. Отдельные группировки выступали, конечно, движущими силами революции либо контрреволюции; но и сам ход революции "двигал", формируя ту или иную политическую позицию различных социальных слоев. Роковой в судьбах дворянства оказалось создание неблагоприятного общественного мнения, огульное отнесение всех дворян к заведомым врагам революции ("аристократии"). То же самое можно сказать об отношении к священникам, затем финансистам, а в период якобинской диктатуры и к другим слоям буржуазии, особенно торговцам. В тот же период обозначилось противопоставление города и деревни.

Важно выявить механизм создания общественного мнения. Значение индоктринации очевидно: достаточно вспомнить брошюру Сийеса и ей подобные издания, призванные противопоставить "все" третье сословие "всем" привилегированным. Но многое нельзя объяснить индоктринацией, например, поворот мнения активной части общества против Робеспьера. В образовании общественного мнения очевидна и спонтанность - готовность откликнуться со стороны массы населения. Характерно, как, подобно искре, распространялись, электризуя общество, знаковые понятия(72) "аристократ", "демократ", "патриот", "санкюлот", "бывшие" и др.

В оценке подобной электризации общества, как и других случаях складывания общественного мнения, недооцененной категорией представляются "настроения". Традиционно в историографии, особенно марксистской, упор делался на "интересы", нередко с добавлением определения "объективные", поскольку считалось, что их можно рассчитать чуть ли не с математической точностью. Однако "объективно" можно было установить их только по упомянутой шкале капиталистического прогресса. В действительности, между интересами различных слоев и требованиями соответствующих группировок находилась, преопределяя характер действий и даже направление политической активности, "субъективная" категория "настроений".

Ее наиболее заметными компонентами были надежды и страхи. Спонтанность не означает отсутствия сознания. Напротив, в революции каждый из участников преследовал свои цели, пытался отстаивать собственные интересы. При этом в их защите участники руководствовались присущим им мировосприятием, в котором средневековые представления об общественном порядке сочетались с ожиданиями и устремлениями, порожденными "веком Просвещения". Массовые ожидания, надежды на лучшую жизнь, пробуждавшиеся с распространением просветительских идей, изначально были важным фактором революционной мобилизации.

Не менее значимыми были страхи, в которых находили отражение и политизация масс, и их мифологизированное мировосприятие. "Заговор аристократии", восстание в тюрьмах, "голодомор", происки иностранной агентуры - наиболее известные разновидности общественной тревоги, проявившей себя яростными вспышками насилия и активной поддержкой террористической политики. Такое взаимодействие стихийности и сознательности, надежд и страха, политизированности и мифологизированности породило огромную энергию, приведшую в движение все части французского общества.

Важно преодолеть бытующую односторонность сведения этой энергии к беспорядкам и хаосу, а для этого нужно понять, как разрушение старого порядка превращалось в созидание нового, раскрыть творческий потенциал революционной энергии и двуединство революционного процесса в целом. Интересно в связи с этим установление якобинской диктатуры, если отказаться от "транзитологической" парадигмы (в традиционных вариантах "забегания вперед" или "derapage") и обратиться к мнениям самих участников, например, рассуждению Сен-Жюста о "force de choses" - силе "вещей", или обстоятельствах, подчиняющей волю революционных лидеров своей логике. Воздействием этой силы объяснял якобинский руководитель установление режима регулирования экономики (максимум) и вмешательство в отношения собственности (вантозские декреты). Характерно, что якобинцы стремились не только определить направление "силы вещей", но и обуздать ее.

И отчасти им это удалось. Разрушительная крестьянская "война против замков" могла прекратиться, поскольку войну замкам (вплоть до их уничтожения) объявил якобинский Конвент. Потрясавшим страну с 1789 г. "жакериям" положил конец декрет 17 июля 1793 г., где нашли разрешение радикальные требования крестьян об отмене феодальных повинностей без выкупа. Установки многочисленных продовольственных выступлений воплотились в законах о максимуме. Таким образом, не только социальное содержание якобинской политики, но и формы якобинской диктатуры (включая террор) явились, как показал А.В.Адо, реализацией и отражением крестьянского натиска, наиболее мощной, сокрушительной и стихийной из сил революции.

Была ли якобинская политика всецело революционной импровизацией (так считал А.З.Манфред) или ее отличало целеполагание, обусловленное в том числе влиянием мыслителей Просвещения, руссоистским принципом "общей воли" (мнение В.С.Алексеева-Попова)? Этот неоконченный спор советских историков выводит не только к соотношению стихийности и сознательности в установлении революционной диктатуры, но и к определению самой природы революции в аспекте этого соотношения.

Воплощая и обуздывая "силу вещей", диктатура якобинцев являла историческую импровизацию; абсолютизируя постулат "общей воли", якобинские лидеры выступили доктринерами. И неизвестно, что привело к злополучному финалу, непредвиденное для либеральной экономической теории вторжение в отношения собственности или попытка жесткого подчинения всех частей общества "общей воле". В свете историографического опыта XX в. ясно, во всяком случае, что малопродуктивно искать разрешения этой и подобных ей дилемм, исходя из того, что причиной драмы якобинского периода была "буржуазная ограниченность" якобинцев или, напротив, их антибуржуазность.

Более продуктивным представляется раскрытие природы "силы вещей" в таких, например, категориях, как преемственность и новаторство. Как сочетались в "силе вещей" укоренившееся наследие прошлого и разбуженная стихия обновления? Или, при взгляде "сверху", в каком соотношении оказался багаж просветительских знаний и подходов политических лидеров с приобретенным ими революционным опытом? Совокупность подобных назревших вопросов заставляет ставить в центр исследования закономерности самой революции как события, как вида жизнедеятельности исторического субъекта. И это требует преодоления прямолинейной перспективы исторического процесса вместе с механистическим детерминизмом в интерпретации хода революции и телеологическим отношением к ее исходу, а, в конечном счете - замены сложившегося в середине XIX в. позитивистского историзма новым типом исторического мышления.

В.П.Смирнов. Я согласен со многим из того, что сказано в представленном нам докладе и остановлюсь лишь на тех положениях, которые мне кажутся спорными.

Почему в течение почти двух веков историки считали, что "буржуазия сыграла ведущую роль во Французской революции 1789-1799 гг." и называли эту революцию буржуазной? В докладе высказано мнение, что такая оценка вызвана своеобразной "проекцией" на французские события ситуации, сложившейся в более развитых обществах (в Англии или в послереволюционной Франции). Этого нельзя исключить, но, по-моему, главное все же в другом. Современники, а затем и историки видели, что те слои населения, которые тогда объединяли словом "буржуазия" очень активно участвовали в революционных событиях, а иногда были их инициаторами. Они также видели, что в результате революции эти слои населения поднялись к богатству и власти, стали - сначала вместе с дворянством, а потом вместо него - господствующим классом. Буржуазия выиграла от революции больше всех других классов, поэтому историки и называли революцию буржуазной, а не дворянской или крестьянской, хотя и дворяне, и крестьяне участвовали в революции. Возможно, точнее было бы именовать революцию "антисеньориальной", но понятие "буржуазная революция" подчеркивает важную сущностную черту революционного процесса - превращение буржуазии в господствующий класс. Надо только иметь в виду, что в революции участвовала не одна буржуазия, а и другие слои населения. Это была не просто буржуазная, а массовая, народная, общенациональная революция.

В докладе ставится вопрос, как понимать термин "буржуазия" применительно к условиям XVIII в.? Не лучше ли, по примеру А.Коббена, говорить о разных "буржуазиях"? Я думаю, что такая терминология ничего не меняет: буржуазия и в XVIII, и в XIX, и в XX веках была сложной социальной группой, вовсе не сводившейся только к торгово-промышленной буржуазии. Насколько я знаю, все специалисты согласны с тем, что в конце Старого порядка буржуазией называли не только торговцев, промышленников, предпринимателей, но и людей, живущих на ренту, располагавших достатком, занимавшихся, по преимуществу умственной деятельностью: адвокатов, нотариусов, врачей, журналистов, - тех, кого тогда называли "буржуазией таланта", а теперь можно назвать интеллигенцией. Именно этот слой образованных людей, обладавших опытом публичных выступлений, интересам к общественным проблемам, навыками общественной деятельности, - а вовсе не торгово-промышленная буржуазия, - сыграл главную роль в политической борьбе революционного периода.

На поставленный в докладе вопрос: "если не предприниматели, то кто же стоял во главе революционного движения?", я бы ответил: интеллигенция того времени, принадлежавшая по своему происхождению и положению отчасти к дворянству, но, главным образом, к той, довольно разнородной социальной группе, которую обобщенно именовали буржуазией. Мне представляется, что это типичная ситуация. Если в революционных массовых действиях непосредственно участвуют те или иные классы, то в идейной и политической борьбе (как и в военном деле) руководящую роль играют специалисты (юристы, политики, военные), которые далеко не всегда руководствуются узкоклассовыми интересами и осознают свою связь с тем или иным классом. Раскол на революционеров и контрреволюционеров происходил не только и даже не столько по классовой принадлежности, сколько по политическим, идеологическим, религиозным, психологическим и иным причинам; всегда был результатом личного выбора.

Мне кажется недоразумением высказанное в докладе утверждение: "Именно капиталистическая, предпринимательская буржуазия, по мнению основоположников марксизма, и одержала верх во Французской революции XVIII в.". Я не знаю, где основоположники марксизма высказывали такое мнение. В приведенной в докладе цитате Маркса речь идет о "победе буржуазии", но Маркс никогда не ограничивал класс буржуазии только торгово-промышленной буржуазией. Более того, он подчеркивал, что в идеологической и политической борьбе обычно участвуют не сами классы, а их представители, которые по своему происхождению и положению могут и не принадлежать к этим классам. В работе "18 брюмера Луи Бонапарта" Маркс писал: "Не следует думать, что все представители демократии - лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию или индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и поэтому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводят практически его материальные интересы и его общественное положение. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями какого-нибудь класса и тем классом, который они представляют."(73)

С этой точки зрения, статистические подсчеты, согласно которым доля "предпринимательской буржуазии" среди депутатов Учредительного собрания составляла всего j, а доля лиц свободных профессий и держателей должностей - s, вовсе не означают, что Учредительное собрание не выражало интересов буржуазии (но, конечно, и других слоев населения - до известной степени всей нации).

Иногда говорят, что революция не соответствовала интересам буржуазии, потому что в ходе революции экономика Франции пришла в упадок, часть буржуазии разорилась, и только часть ее обогатилась. Мне кажется, это упрощенный подход. Крупные исторические события, особенно войны и революции, обычно сопровождаются упадком экономики, снижением жизненного уровня, людскими потерями, но в то же время создают условия для последующего развития. Так, например, после отмены крепостного права в России экономическое положение и крестьян, и помещиков значительно ухудшилось, а ускоренное экономическое развитие началось лишь через несколько десятилетий. То же самое случилось с французской буржуазией в конце XVIII - начале XIX века. В ходе революции она понесла урон, но ее положение после революции стало гораздо лучше, чем до революции, а возможности экономической и политической деятельности значительно расширились.

В нашей дискуссии употреблялись понятия "прогресс" и "регресс". Без них вряд ли можно обойтись, но они носят очень общий характер, расплывчаты, неконкретны, субъективны. Согласно словарям, прогресс - это "поступательное движение вперед", но что такое "вперед" в истории? Приближение к "современному обществу" или, скорее, к его идеальной модели, которая в разных странах различна? Можно считать критериями прогресса определенные ценности, например, расширение общественных и личных свобод, подъем экономики, улучшение условий жизни и т.п. Однако в разных обществах такие критерии не совпадают, а их применение к конкретным историческим событиям, в том числе к французской революции конца XVIII в., - затруднительно.

Известно, что при господстве конституционалистов объем общественных и личных свобод увеличился, а при якобинцах - сократился. В ходе Революции были ликвидированы повинности и стеснения Старого порядка, но Революция сопровождалась упадком экономики, снижением жизненного уровня, войной, террором, людскими потерями. Историки-марксисты (вслед за историками "классического направления") воспринимали революцию как "прогресс", потому что она уничтожила Старый порядок; некоторые современные историки видят в революции общественное бедствие, хаос, смуту, - словом "регресс". При таком подходе можно прийти к парадоксальному выводу: самым прогрессивным в развитии общества является застой, когда нет ни войн, ни революций, а следовательно, нет упадка экономики, снижения жизненного уровня и других бедствий.

В докладе и в прениях справедливо критиковались прежние идеологические клише, господство марксистско-ленинской идеологии над исторической наукой. Действительно, при советской власти идеологические клише, а то и прямые цензурные запреты препятствовали историческим исследованиям. Сейчас идеологизированность истории уменьшилась, но **я не сказал бы, - как говорилось в докладе, - что произошло "полное прекращение идеологического контроля за историческими исследованиями". Идеологические клише не исчезли. Они просто стали другими; больше не навязываются административными методами, а распространяются, главным образом, средствами массовой информации.** За последние 10-15 лет в нашем обществе произошел огромный идеологический переворот. Многие понятия, в том числе "революция" и "социализм", утратили прежнее положительное значение и приобрели отрицательное; другие понятия, например, "капитализм", "рынок", "порядок", напротив получили положительный смысл. Если советские историки одобряли деятельность крайних революционеров, то современные российские историки отдают предпочтение умеренным революционерам, а иногда и контрреволюционерам. Господствовавшая ранее марксистско-ленинская идеология сменилась либеральной идеологией с ее собственными идеологическими клише; именно она сейчас господствует в умах и определяет идеологические оценки.

Приходится признать, что историк не может быть полностью свободен от существующей в обществе идеологии, политики, общественного мнения. Суждения историков об исторических событиях определяются не только исследованием фактического материала, но и представлением о мире и общем ходе исторического процесса, системой ценностей, политическими, философскими, религиозными убеждениями и предрассудками и многими другими факторами.

Д.Ю.Бовыкин. Я тем более благодарен А.В.Чудинову за постановку этой темы на обсуждение "круглого стола", что трудно иметь дело с историографией Термидора и при этом постоянно не встречаться в самом разном контексте с понятием "буржуазия". Особенно это характерно для отечественной историографии или, если брать шире, для "якобинской", социалистической, марксистской историографии в целом.

Доминирующими при этом оказываются три основных сюжета.

1. Первый - тот, который затронул в своем докладе А.В.Чудинов. Считается, что лидеры термидорианцев (чаще всего, "правых термидорианцев") либо сами принадлежали к буржуазии, либо были теснейшим образом с ней связаны. Эти мотивы встречаются у самых различных авторов.

"Переворот 9-10 термидора открыл путь к власти контрреволюционному большинству буржуазии"(74), - подчеркивают авторы фундаментального труда "Французская буржуазная революция. 1789-1794". Подлинными вдохновителями "термидорианского блока", отмечает В.М.Далин, "были противники диктатуры справа, деятели буржуазии"(75). "Действительными хозяевами положения, - уверен А.З.Манфред, - стали правые термидорианцы, депутаты-дельцы: спекулянты, мздоимцы - Тальен, Фрерон, Баррас, Лежандр и др."(76). "Всю полноту власти захватили перерожденцы и нувориши"(77), - солидарен с ним В.Г.Ревуненков.

В то же время, нам так и не удалось найти исследований, в которых подобные положения были бы реально доказаны. Если коррумпированность части будущих термидорианцев считается общим местом в историографии, то их принадлежность к буржуазии (и в понимании XVIII в., и в ее марксистском понимании) вызывает серьезные сомнения.

Жили ли лидеры термидорианцев на ренты? Владели ли предприятиями, входили ли в число негоциантов, банкиров или финансистов? Применительно к 1794-1795 гг. можно уверенно ответить на эти вопросы отрицательно. Были ли богаты? Очень по-разному. Скажем, богатство П.Барраса не вызывает сомнений. А Л.М.Ларевельер-Лепо, один из лидеров термидорианцев, избранный в первую Директорию 216 голосов из 218) рассказывает в мемуарах о том, что его квартира в 1795 г., когда он был председателем Конвента, была "воистину убога", а жена и дочь сами вели хозяйство и, за неимением слуг, проводили к нему иностранных послов(78).

Если рассматривать дореволюционное прошлое депутатов, то из участников дискуссии вокруг Конституции III года Республики (а в дебатах приняли участие практически все, входившие в политическую элиту того времени), лишь 10 человек из 123 были до 1789 г. торговцами, буржуа или предпринимателями. Но и дальнейшая судьба термидорианцев весьма противоречива. Скажем, Жан-Ламбер Тальен, которого нередко записывают в число ведущих "спекулянтов" и "дельцов" уже при Наполеоне остался без средств к существованию(79) и умер в 1820 г. в полной бедности(80).

2. Второй мотив: термидорианцы проводили политику в интересах крупной и средней буржуазии (в отличие от якобинцев, которые действовали в интересах буржуазии мелкой или, как временами говорили, "демократической"(81)). "Переродившиеся элементы якобинской партии, - писал в 1920-х гг. С. Моносов, - уже не отражали интересов мелкой буржуазии, а являлись выразителями надежд и чаяний новой или вернее, старой, но возродившейся крупной буржуазии"(82). "Общая масса термидорианцев, - напишет несколько позже Е.В. Тарле, - стояла на почве защиты интересов собственников против не-собственников, буржуазии против неимущей городской бедноты вообще и рабочих в частности"(83).

Этот вопрос решается еще более многозначно, чем предыдущий (особенно в свете приводимой В.П.Смирновым цитаты из К.Маркса). Бесспорно, что, придерживаясь того, что впоследствии назовут либеральными ценностями (в том числе и тезиса о необходимости свободы торговли), термидорианцы действительно покончили с "созданным якобинцами ограничительным режимом для буржуазии"(84). Свобода торговли была восстановлена, в конце июля 1794 г. отказались от введенных якобинцами ограничений на заработную плату в Париже, в конце декабря того же года полностью отменили максимум. Эти мероприятия и в самом деле проводились в интересах торговцев и предпринимателей, но только ли в их интересах?

Возьмем, к примеру, проблему отмены максимума. Общие работы советских историков традиционно подчеркивали, что максимум отменили, "уступая общему давлению со стороны имущих классов"(85), и это "сразу привело к резкому возрастанию цен и усиленному выпуску ассигнатов"(86). Картина рисуется катастрофическая: "Положение рабочих и других слоев "мелкого люда" стало поистине отчаянным"(87), "зимой 1794-1795 г. плебейский Париж испытывал муки голода, перед которыми бледнели лишения сурового 1793 г."(88), "никогда еще санкюлотское население Парижа не переживало таких бедствий и нищеты"(89).

Однако подчеркнем еще раз, это общие работы. Специальные же исследования позволяют нам посмотреть на ситуацию под несколько иным углом зрения. Так, скажем, по мнению К.П.Добролюбского, автора монографии "Экономическая политика термидорианской реакции", "продовольственный кризис в Париже достиг наивысшей остроты при максимуме в феврале и марте 1794 г."(90). Не удивительно, что "парижское население разочаровалось в максимуме и ждало с октября 1794 г. избытия от введения свободы торговли. Всеобщий максимум не защищался ни секциями, ни в якобинском клубе". "Давно уже максимум, которого так горячо желала и с такими усилиями получила рабочая масса в сентябре 1793 г., сделался для нее бичом, проклятием, которое только отягощало ее отчаянное положение" (91), - отмечал Е.В.Тарле в другом специальном исследовании, на этот раз посвященном положению крестьян и рабочих в эпоху Революции. Иными словами, к отмене максимума стремились далеко не только буржуа.

И так дело обстоит практически с любой проблемой: стоит отрешиться от традиционных стереотипов, кочующих из издания в издание, как сразу же картина становится куда более многомерной. Постоянно упоминается о том, что рабочие голодали и бедствовали, но ведь и депутатам Конвента жалование платили в тех же самых ассигнатах, и Комитет Общественного спасения вынужден был организовать раздачу масла, сахара, риса, сукна нуждающимся членам Конвента(92). Подчеркивается стремительное обогащение торговцев, но редко говорится, что и при Терроре исключения из максимума давали возможность торговцам обогащаться(93).

3. Третий сюжет - Конституция III года Республики, которую обычно противопоставляют якобинской Конституции, подчеркивая, что вся она была "проникнута стремлением обеспечить безраздельное господство собственников"(94), учредить "республику не для народа, а для богатых"(95). При этом обычно цитируется фрагмент знаменитой речи Буасси д'Англа, произнесенной при первом представлении проекта конституции в Конвенте: "Страна, которой управляют собственники, находится в состоянии социального порядка"(96) и отмечается высокий возрастной ценз для выборщиков.

Прежде всего заметим, что право на собственность входит в число "естественных и неотъемлемых прав человека" как по Декларации прав человека и гражданина 1789 года, так и по аналогичной Декларации 1793 года(97). Не случайно А.В.Гордон писал про Конституцию 1793 года, что ее "краеугольным камнем было право собственности"(98). Это признавали и современники; известный депутат Конвента М.А.Бодо подчеркивал впоследствии: "Национальный Конвент всегда рассматривал собственность, как основополагающую часть социального строя, и я никогда не слышал, чтобы хотя бы один член этой Ассамблеи произнес или сделал предложение противное этому великому принципу"(99).

Добавим, что к 1795 г. признание исключительной роли собственников в управлении страной стало настолько общим местом, что было бы удивительно, если бы составители проекта Конституции не учли этого. Чтобы найти этому доказательства, достаточно открыть едва ли не любой памфлет того времени, посвященный проблемам будущего государственного устройства.

Приведем лишь несколько цитат. Депутат Конвента Л.С.Фрерон: "Собственность - единственный фундамент и единственная гарантия хорошего правления. [...] Собственность - основа общества"(100). Известный публицист А. де Лезей-Марнезия: "Только собственник имеет право распоряжаться своей собственностью, и только собственники имеют право управлять страной"(101). Один из самых энергичных депутатов Генеральных штатов, публицист, член Института П.С. Дюпон де Немур: "Очевидно, что собственники, без согласия которых никто в стране не может ни жить, ни есть, в высшей степени граждане. Они суверены милостию Божьей, милостию природы, их работы и продвижения их предков"(102).

Кроме того, нам кажется, что было бы весьма неосторожно ставить знак равенства между "собственником" и "буржуа". Можно ли, например, говорить, как о буржуазии, о крестьянстве, в том числе, мелком крестьянстве, обеспокоенном в 1795 г. вопросом о том, гарантирует ли им новая власть совершенные за годы Революции земельные приобретения?

Разумеется, было бы некорректно утверждать, что вопросам собственности в обществе существовал консенсус. В отличие от создателей Деклараций 1789 и 1793 г., термидорианцы открыто подчеркивали, что собственность - не естественное, а социальное право, и все же оно рождало множество вопросов, что хорошо видно по переписке, которую вел Конвент весной-летом 1795 г. Если правом голоса обладает тот, кто платит 10 ливров, писал один из современников, то у того, кто платит 20, должно быть 2 голоса, а 1000 ливров - 100 голосов. Если можно избирать того, кто платит 20 ливров, то тому, кто платит 40 надо отдавать предпочтение(103). И вопрос вполне имел свои основания, ведь, как говорилось в одном из памфлетов той эпохи, "природа, без сомнения, не в большей мере создала собственников, чем дворян"(104).

Однако и в речи Буасси д'Англа есть не только те слова, которые обычно цитируют. "Бедность неимущих имеет такое же право на защиту, как и изобилие богатых, - отмечал Буасси, - произведенное ремесленником, как и урожай земледельца". Вместе с тем он действительно настаивал на необходимости введения имущественного ценза (правда, изначально ценз предусматривался не для выборщиков, а для самих депутатов), предлагая его рассматривать, как "своего рода предосторожность, залог ответственности, которую в праве потребовать общество, когда оно собирается предоставить одному из своих членов должность, на которой он сможет говорить от его имени"(105).

Подобные слова нередко рассматриваются как демагогия, однако они полностью вписываются в характерное для термидорианцев стремление сделать ставку на людей, которые не допустят дальнейших пертурбаций, на людей, которые свободны и независимы (в эту же логику вписывается и требование для каждого гражданина уметь читать и писать"). Кроме того, обычно забывают, что Конституция III года была утверждена не только Конвентом; подавляющим большинством ее одобрили первичные собрания по всей стране. При этом в декрете Конвента, посвященном референдуму, специально указывалось, что "все французы, голосовавшие в последних первичных собраниях, будут туда допущены"(106). Иными словами, все голосовавшие за Конституцию 1793 года имели право принять участие в новом референдуме.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что хотя уже стало привычным связывать воедино термидорианцев и "буржуазию" (в любом понимании этого слова), эта тема еще ждет своего исследователя и пока содержит больше вопросов, чем ответов.

С.Ф.Блуменау. В характеристике французской буржуазии революционной эпохи хотелось бы избежать двух опасных крайностей. Первая заключается во взгляде на буржуазию как руководящую силу Революции, вторая, наоборот, связана с недооценкой места предпринимателей в экономике конца Старого порядка, их готовности к переменам и роли в драматических событиях революционного десятилетия.

В сознании историков прочно укоренился миф об экономическом могуществе буржуазии и упадке дворянства, что как бы легитимизировало претензии деловых кругов на политическую власть в стране. Исследователи приводили немало примеров блистательных успехов отдельных предпринимателей, достижения ими больших богатств. Но обращение к массовым повторяющимся источникам позволило получить широкие репрезентативные данные, перевернувшие сложившиеся представления. Интересны результаты изучения материальной обеспеченности жителей Тулузы, проведенного Ж.Санту. Здесь вне конкуренции оказалось дворянство. По сравнению с ним буржуа выглядели "бедными родственниками". Они уступали дворянам в экономическом благополучии в 10 раз, оставляя после смерти в среднем по 22205 франков против 239222 франков(107).

Но Тулуза - обиталище судейских, рантье. Возможно, дело обстояло иначе в больших портовых городах, вовлеченных в интенсивную морскую торговлю? Возьмем для примера Бордо, где проживали сотни богатых арматоров и крупных оптовиков. Анализ налоговой документации показывает, что состоянием более 25 600 ливров обладали лишь 40% неготиантов, но зато 81% дворян(108). В s брачных контрактов, заключенных последними в 1782-1784 гг., значились суммы, превышавшие 51200 ливров, тогда как у неготиантов таких контрактов было только 21%(109).

Другой миф "классической" и, особенно, марксистской историографии - это, казалось бы, бесспорное стремление буржуазии к экономическому либерализму, поскольку свобода предпринимательства является важнейшим условием ее эффективной деятельности. Но реалии Франции XVIII в. были иными. При широком администрировании хозяйственной активности без помощи или хотя бы формального одобрения властей ни одна мануфактура не могла ни возникнуть, ни существовать. Даже самая либеральная отрасль экономики - морская торговля - нуждалась в опеке. Каждый порт и каждая компания обладали определенными монополиями и привилегиями, а деловой мир просил монарха не столько о свободах, сколько о покровительстве.

Нельзя не заметить также, что ценностные ориентиры и устремления буржуазии плохо корреспондировали с поведением "гегемона революции". Правилom является то, что разные социальные группы подражают лидирующей в обществе силе. Конечно, дворяне стали меркантильнее, расчетливее, что можно принять за буржуазное влияние. Но для самой буржуазии прибыль и ведущие к ней экономические усилия были не целью, а только средством. Разбогатевшие ротюрье немедленно оставляли предпринимательство, приобретали аноблирующие должности, сеньории, старались жить на дворянский манер.

Это было характерно не для одних финансистов-откупщиков, тесно связанных с абсолютистским государством и имевших мало отношения к производству и товарообмену. Представители торгово-промышленной сферы поступали также. Например, известный марсельский арматор и неготиант Ж.Ру, став маркизом, надолго вышел из дела(110). Да и люди, далекие от его преуспевания, забрасывали предпринимательскую деятельность, предпочитая образ жизни рантье.

Многое говорит о том, что буржуазия в марксистском понимании термина не была способна к лидерству во Французской революции. Но нет оснований и для того, чтобы минимизировать ее место в хозяйственной деятельности и общественной жизни. Последнее приводит к умалению степени социально-экономического развития страны в конце Старого порядка. Порой дают понять, что торговля и промышленность в XVIII в. - лишь услуга земельных собственников. Создается также впечатление, что портовые города - это отгороженные от остальной Франции островки делового размаха, слабо влиявшие на ее экономику. Но тот же Бордо, через который шел и экспорт сельскохозяйственной продукции, способствовал втягиванию всего юго-западного региона в более динамичные отношения.

Неправильно представлять себе коммерсантов людьми, поглощенными только делами, с узким кругозором, чуждыми общественным интересам. Возникшие в ряде городов музеи становились культурными центрами, вокруг которых группировались предприниматели. В Музее Бордо, например, неготианты составляли 36% членов(111). Хотя происхождение и социальный статус преграждали деловой буржуазии доступ в местные академии, ее представители состояли в переписке с этими организациями, участвовали в объявляемых ими конкурсах.

Тезис Ж.П.Ирша о неприятии коммерческими кругами передовой идеологии кажется все же сильно преувеличенным. Хорошо известно о широком участии служащих учетной кассы в штурме Бастилии. Среди депутатов Учредительного собрания, как показали и подсчеты Э.Х.Лёмэй, и прежние выкладки А.Коббена и Р.Палмера, деловая буржуазия была представлена значительно. Вместе с тем, она не могла конкурировать с обладателями должностей, юристами, "людьми таланта" в понимании конституционных, политических, правовых проблем, вышедших на передний план. Предприниматели к тому же не обладали достаточным досугом для интеллектуальных занятий, не имели опыта публичных выступлений.

Сложен и нуждается в конкретно-исследовательской разработке вопрос о связях предпринимателей с той или иной политической группировкой. Хотя прежняя характеристика жирондистов как выразителей интересов торгово-промышленной буржуазии и является упрощенной, нельзя не заметить, что отдельные представители данной политической "партии" непосредственно вышли из этой среды. Таков, например, Ж.Буайе-Фонфред, которого в молодости отец готовил к деятельности негодья и которому дал состояние в 500 тыс. ливров(112).

Все время мы ведем разговор о собственно буржуа-предпринимателях. Но разве не могла "буржуазная интеллигенция" последовательно решать задачи буржуазной революции? Увы, политика революционных властей часто не только не соответствовала чаяниям буржуазии и нуждам капиталистического развития, но и решительно расходилась с ними: "максимум" - лишь самое вопиющее свидетельство этого. Впрочем, и после якобинской диктатуры, в период Директории, банкиры Перрего и Рекамье тщетно добивались для своего банка права выпуска банкнот и выдачи кредитов. Не противоречия ли между правившей во Франции в годы Революции элитой юристов и администраторов, с одной стороны, и буржуазией, - с другой, подвигли практически все банковское сообщество к поддержке Бонапарта?

С.Е.Летчфорд. Важность обсуждаемой сегодня проблемы очевидна. В конечном счете, речь идет об ответе на вопрос, была ли французская революция XVIII в. "буржуазной". Если мы будем исходить при этом из того, что "буржуазность" революции определяется обязательно руководящей ролью в ней буржуазии (да еще понимаемой только как класс предпринимателей), то ответ будет отрицательным. Как уже было сказано, понятие "буржуазия" во Франции XVIII в. имело совсем другое значение, чем, то, которое мы привыкли придавать ему (не предприниматели, а рантье). Столь же неопровержимо доказано, что позиция торгово-промышленных кругов в революции была скорее консервативной. Следовательно, социальная группа, которую мы считаем "истинной буржуазией" не только не возглавляла революцию, но даже не принимала в ней сколь либо активного участия.

Это затруднение ставит проблему более четких и согласованных дефиниций, на что справедливо указывали предыдущие выступающие. Вместе с тем, еще важнее полностью отказаться от устаревших и слишком прямолинейных подходов в определении движущих сил революции. Можно ли вообще рассматривать ее лишь как дело рук третьего сословия? А дворянство, разве оно не принимало участия в революции? Ведь с конфликта короны и дворянства собственно и начался переворот. Этот конфликт привел к созыву Генеральных Штатов 1789 г. и дал возможность третьему сословию заявить о своих требованиях. Да и в дальнейшем, на протяжении всей революции дворянство отнюдь не выступает такой однозначно реакционной силой, как это принято считать. Даже на якобинском этапе, когда, говоря словами А.В.Гордона, его усиленно "выталкивали в контрреволюцию". Возьмем, к примеру, офицерский корпус республиканской армии. Еще осенью 1793 г. он состоит преимущественно из "бывших".

То же самое относится и к духовенству. Надо ли напоминать о роли кюре в Генеральных Штатах при преобразовании их в Национальное собрание? Революционный потенциал первого сословия был столь высок, что его не смогла до конца уничтожить даже крайне неудачная религиозная политика Учредительного собрания. Свидетельством тому - раскол французского духовенства на неприсягнувшее и конституционное после церковных реформ 1790 г.

Как кажется, все, что можно сделать, - это разделить французское общество на революционный и контрреволюционный лагерь вне зависимости от социальной или сословной принадлежности. Ибо и там, и там мы встречаем выходцев из всех слоев населения от аристократии до санкюлотов. Что определяет их выбор? Для ответа на этот вопрос недостаточно прибегать к упрощенным социологическим схемам, необходимо анализировать каждый конкретный случай. Иными словами, эффективным здесь может быть только микроанализ.

Естественно, нет никакой возможности рассмотреть жизненную ситуацию каждого взрослого француза в революционную эпоху и на основании этого заключить, почему он являлся сторонником или противником революции. Но такого рода исследования полезны уже хотя бы потому, что рисуют нам гораздо более сложную картину, по сравнению с привычной схемой. Причем, особенно ценным является обращение к судьбам рядовых, ничем особо не примечательных людей. Было бы абсолютно неправильным ограничиваться одной политической элитой.

Попутно хочется сделать небольшое отступление. Здесь неоднократно упоминались интересные исследования социального состава Учредительного собрания, осуществленные под руководством Лёмэй. При всем уважении к их авторам, нам кажется, что полученные результаты (немногочисленность и пассивность "капиталистов" в отличие от "легистов") не дают возможности делать какие-либо далеко идущие выводы (а тем более глобальный вывод о "небуржуазности" революции). Такие результаты можно было предвидеть заранее. Совершенно прав С.Ф.Блуменау, указывая, что подобный расклад сил характерен для любого парламента. Политическая и, в частности, законодательная деятельность всегда была прерогативой профессионалов, то есть юристов и администраторов. Однако это вовсе не означает, что проводимый ими курс не может отражать интересы "капиталистов". Поэтому важно не кто именно вырабатывает законы, а каковы эти законы по своей сути.

Возвращаясь к трудностям микроанализа, следует помнить также о сложности и неоднозначности самого понятия "революция". Для нас революция все еще предстает чем-то целым, хотя в последние годы историки-"ревизионисты" приложили много усилий, чтобы раздробить ее как во времени ("революция 14 июля", "революция 10 августа" и т.д.), так и в пространстве ("революция буржуазии", "крестьянская революция", "санкюлотская революция"). Для современников и действующих лиц она была настоящим хаосом событий, совокупностью самых противоречивых движений и импровизаций, из которых одни приветствовались, потому что отвечали частным интересам, а другие осуждались, потому что эти интересы ущемляли. Пытаться связать индивидуальные настроения напрямую с принадлежностью к определенному классу, страте, сословию - дело совершенно безнадежное. Слишком велико влияние огромного количества непредвиденных факторов, порожденных особенностями дореволюционного французского общества - общества, находившегося на переломе, дореволюционного государства с его до предела запутанной правовой системой, партикуляризмом, перемешавшимися сословиями и дискредитированной монархией.

Думается, что вопрос о характере французской революции XVIII в. следует решать, исходя не из спорных предположений о ее гегемоне и движущих силах, а из старого доброго правила римских юристов *cuī bono?* ("кому на пользу?"). Утверждение, что более всего от революции выиграла буржуазия, разумеется, тоже может быть оспорено. Так, например, буржуазии по определению свойственно стремление к свободе, а в 1799 г. восторжествовал цезаризм, подавлявший любые проявления инакомыслия гораздо сильнее, чем это делала якобы абсолютная монархия Бурбонов. Нет недостатка и в конкретных примерах краха старых капиталистических фамилий, разоренных революцией. И все же подобные возражения вряд ли могут опровергнуть тот непреложный факт, что в долгосрочном плане революция создала для деловых людей такие экономические и политические условия, которые отвечали их потребностям, и которых они не имели прежде (свободная конкуренция, единый национальный рынок, гражданское равенство, полная гарантия неприкосновенности прав личности и собственности и т.д.). Разве французская буржуазия в XIX в. обладала теми же возможностями, что и в XVIII? По-видимому, они все-таки были неизмеримо шире. Наконец, и перераспределение собственности в революционный период все же в основном происходило от двух первых сословий к третьему, а не наоборот.

Нам представляется, что с этой точки зрения революция имеет право называться "буржуазной". Другой вопрос, нужна ли она была вообще, нельзя ли было достичь тех же результатов без крови и разрушений, спокойным эволюционным путем. Дискуссия на эту тему, очевидно, не закончится никогда, стимулируя углубленное изучение предреволюционной Франции во всем ее многообразии и противоречивости. Однако она всегда останется чисто научной полемикой, так как история не знает сослагательного наклонения.

3.А.Чеканцева. История неотделима от историка. Эта максима сегодня понятна не только профессионалам. Она тривиальна. Меняется жизнь, и новые поколения историков актуализируют те аспекты прошлого, которые раньше просто никто не замечал. При этом, размышляя о прошлом, мы всегда думаем о проблемах дня сегодняшнего. В этой связи я разделяю озабоченность организаторов нашей встречи тем, что представления о Французской революции XVIII в., которые существуют сегодня в обществе и тиражируются в популярной и учебной литературе не соответствуют ни уровню знаний о французской истории нового времени, накопленных мировой историографией, ни задачам современного историописания.

Обобщающие работы по истории французской революции, в том числе переиздаваемые книги А.З.Манфреда и В.Г.Ревуненкова концептуально устарели. А.В.Адо говорил это о книге А.З.Манфреда в публичной лекции еще в начале 80-х годов. Нынешнее поколение отечественных специалистов по истории революции вряд ли сможет создать новый обобщающий труд о ней. Это не в силах сделать сегодня даже французские историки. Они предпочитают создавать словари. Возможно, и нам следует пойти по этому пути и подготовить своего рода исторический лексикон, посвященный революционному десятилетию во Франции. Хорошо, что перевели книгу Ф.Фюре.(113) Но она не относится к легко воспринимаемым текстам. Даже подготовленный читатель не всегда способен ее понять. Вот почему я надеюсь, что нынешний "круглый стол" как и предыдущий (1995 г.) поможет заинтересованному читателю лучше понять Французскую революцию и современное состояние литературы о ней.

Я никогда специально не изучала историю французской буржуазии XVIII в. Но мне представляется, что тема "круглого стола" предполагает обмен мнениями не только по частным проблемам революционного времени, но и осмысление революционного феномена во Франции в целом. Поэтому выскажу, прежде всего, некоторые общие соображения, которые возникли при знакомстве с докладом А.В.Чудинова.

Для того, чтобы обновить и углубить наши представления о Французской революции, необходим интеллектуальный прорыв. Но такой прорыв вряд ли может состояться, если продолжать работать в русле, который проложила "классическая" социальная история революции. Размышляя о социальной природе французской буржуазии при Старом порядке и во время Революции, Вы, Александр Викторович, по сути, предлагаете двигаться от некоего априорного, но укорененного в традиции понятия "буржуазия" и наполнить его конкретным социально-экономическим содержанием. Между тем Ф.Фюре, призывая к интеллектуальной мутации историографию Французской революции еще в конце 70-х годов, настаивал на необходимости "осмысливать", а не "воссоздавать" исторические реалии. Этот призыв был услышан, и французские историки сумели создать большой массив новой эвристически значимой научной продукции, которая предложила бесчисленное множество новых предметных областей и новых подходов при изучении французской революционной эпохи. Французские историки как никогда раньше осознали чрезвычайную сложность процессов, происходящих в конце XVIII в. во Франции и их претензии на то, чтобы раскрыть "загадку" Революции значительно поубавились. Они все чаще пишут о необходимости герменевтики революции.(114) Разумеется, "читающая" социальная история продолжает "воссоздавать", и для этого ей необходимы "точные" понятия (дефиниции) и "серийные источники", которые способны дать более или менее точные (всегда с оговорками!) количественные данные. Однако свой пик такая историография революции прошла в 50-60 гг. Тогда активно работали Собуль, Сюратто, Марков, Кобб, Рюде, наши историки. Но с середины 70-х годов, как известно "якобинская школа" постепенно попадала во все большую изоляцию. И дело здесь не только в том, что сформировалось критическое или "ревизионистское" направление в историографии Революции. Я думаю, что значение дискуссии вокруг этого критического поворота в историографии у нас несколько преувеличивается. "Ревизия" "классической" интерпретации Революции, если абстрагироваться от ее идеологического содержания была по большому счету лишь одним из проявлений той глубинной трансформации историописания, которая происходила на Западе в 70-80 годах. Но вписать эту дискуссию в такой контекст советская историография того времени не сумела. Методологическая незаинтересованность советских историков помешала им увидеть и понять глубину интеллектуальных мутаций, происходящих в историописании. Тем не менее, мне показалось излишне категоричным утверждение, что "с середины 70-годов советская историография заняла однозначно негативную позицию по отношению к любым попыткам сделать основы марксистской интерпретации революции предметом научного обсуждения". В статьях и выступлениях А.В.Адо напротив еще до перестройки постоянно звучал призыв внимательнее присмотреться к методологическим основаниям критических подходов к классической интерпретации революции. Диссертационные работы его аспирантов (Л.А.Пименовой, Э.Гуссейнова), а также книги, вышедшие к юбилею в известной университетской серии свидетельствуют о том, что сам Анатолий Васильевич интенсивно размышлял об этих самых основаниях. Конечно, преимущественно в привычном для него конкретно-историческом плане.

Падение интереса к социально-экономической истории - это не только результат "аллергии на марксизм" отечественных историков. Это явление мировой историографии. Суть дела в том, что эпистемологическая революция 80-х годов радикально обновила не только предметное поле исторического исследования, но изменила представления о самом характере исследовательского процесса. Переосмыслена фундаментальная простота исторической реальности как базовой категории "классической" историографии. "Лингвистический поворот" заставил историков обратить внимание на проблемы теории интерпретации текстов: одно и то же событие может нести различный смысл в зависимости от культурного кода, определяющего восприятие. Соответственно одна и та же ситуация, описанная в языке разных дисциплин или подходов выглядит по-разному. Эти глубинные перемены не могли не повлиять и повлияли на историографию Революции. Важнейшая тенденция современных исследований Революции - поиск новых подходов, новых тем и проблем. Произошло смещение поля излюбленных тем: вновь реабилитирована политическая история, активно изучаются культурные и дискурсивные практики, мир представлений, микросюжеты, казусы, биографии и т.п. Подводя итоги научных мероприятий, посвященных 200-летнему юбилею французские историки констатировали, что социальная история занимает в общем объеме научной продукции от 6 до 9 %. При этом результаты весьма трудоемких научных проектов, которые продолжаются в рамках классических социальных исследований очень невелики. Вы сами Александр Викторович это убедительно проиллюстрировали, сравнив выводы А.Коббена и словаря, подготовленного и опубликованного под руководством Э.Х. Лёмэй. В новых условиях традиционный прием классической социально-экономической истории, соединяющей слова-понятия с конкретными социально-экономическими реалиями выглядит неубедительно. Видимо и по этой причине остались незаконченными к юбилею проекты, посвященные исследованию социального состава якобинцев, жирондистов и монтаньяров. "Считающая" историография и связанная с ней "интуитивная социология" не способны удовлетворить современного исследователя, чувствительного к интеллектуальным мутациям, происходящим в историческом познании.

И еще об одном. Вы в своем докладе, Александр Викторович, вновь упоминаете о лидирующей роли марксистской историографии в изучении французской революции в XX в. Я, возможно, выскажу крамольную мысль, но было ли это лидерство вообще? Не является ли это представление продуктом самоуверенного мнения историков-марксистов, что только они обладали научной методологией, позволяющей добывать подлинные "объективные" знания? Во всяком случае, если такое лидерство и было, то уже в начале 80-х годов А.В.Адо констатировал, что марксистская историография его утратила.

Прежде чем говорить о ваших конкретных вопросах я хотела обратить внимание на то, что идея о появлении, росте и конечной победе буржуазии как перманентного процесса формирования единого социального целого, начиная со средних веков до нового времени была поставлена под сомнение еще в начале прошлого века бельгийским историком Анри Пиреном. А его собственная гипотеза социальной истории капитализма была сочувственно воспринята Люсьеном Февром в рецензии 1922 г. Из очерка Пиренна французский историк сделал вывод о том, что "...Всюду и всегда одновременно сосуществуют разные классы буржуазии, очень различные по своему поведению, сознанию, даже экономическому положению; реальность заключается в том, что чаще всего имеется отчетливо выраженный конфликт между старыми и новыми богачами, между традиционалистами и наследниками, с одной стороны, и новаторами без рола и племени - с другой. Язык, которым пользуется социальная история, не учитывает этих противостояний. Он знает одно только слово "буржуазия" и применяет его без разбора к общностям и группам, решительно между собой несхожим. Это означает, что наш социальный анализ еще весьма груб..." (115) Так что А.Коббен, настаивавший на необходимости говорить во Франции Старого порядка о "буржуазии" во множественном числе не был пионером.

Чтобы понять, что собой представляла буржуазия при Старом порядке необходимо, на мой взгляд, принять за основу весьма гибкое определение французских историков (вполне соответствующее современным идеалам научности) и начать изучать то, что эти различные социальные слои разъединяло - стиль, образ жизни, т.е. привычки, статус, поведение, представления, отношения, эмоции и т. п. Именно это изучают зарубежные специалисты по истории Старого порядка.

Что же касается группы вопросов, сформулированных в докладе по поводу революционной буржуазии, то для начала, на мой взгляд, следует решительно отказаться от этих самых "устоявшихся идеологических клише". Найти способы внятно объяснить заинтересованным читателям, что они принадлежат определенной историографической традиции и сегодня в качестве операционных понятий непригодны. Одновременно, те люди, которые хотят стать специалистами по истории Революции, должны предпринять значительные самостоятельные усилия для того, чтобы освоить методологический инструментарий, огромное разнообразие подходов и приемов осмысления Революции, которые накопила современная мировая историография за последние два десятилетия. Возможно, на этой основе удастся переформулировать вопросы к истории французского XVIII в., руководствуясь при этом как завещал Фюре "только любознательностью ума и бескорыстием в познании прошлого". Видимо есть и другие пути. Но для меня очевидно, что время методологической незаинтересованности для историков прошло.

А.В.Гладышев. Я бы хотел провести черту между проблемой буржуазности революции и проблемой, обозначенной на нашем круглом столе как "Французская революция и буржуазия". В первом случае, как я понимаю, во главу угла все же ставится Революция, во втором - Буржуазия.

Концепция буржуазности революции по своему происхождению - следствие вольной или невольной проекции на события во Франции в конце XVIII в. либо более поздней социально-экономической ситуации во Франции (например, эпохи Реставрации), либо проекции ситуации, сложившейся на момент Революции в другом регионе (например, в Англии 90-х годов XVIII в.). То есть уже первые "аналитики" Революции смотрели на нее сквозь призму социальных напряжений "своего" общества. Так, зарождается историографическая традиция экстраполяции "своей" проблематики буржуазности на события во Франции конца XVIII в. Для отечественной историографии представление о буржуазном характере революции на долгие годы стало стержневым. Не случайно мы до сих пор говорим о "классической" интерпретации революции и "ревизионистской". В этой плоскости дискуссия может идти по вопросу, правильно ли мы сейчас делаем, перестав определять Французскую революцию XVIII в. как "буржуазную"? Но даже на этом уровне нам придется решить, какое вообще определение нам сейчас нужнее: которое удовлетворяет всем правилам научной логики, или, которое понятно нашим коллегам и ученикам? Мне кажется, что сейчас мы можем именовать Французскую революцию "буржуазной" на основе того же права, к какому апеллировал перед судьями Казанова, оправдывая смену имени правом, которое "каждый человек имеет на все буквы алфавита". Автор раздела, посвященного Французской революции в только что появившемся у нас монументальном исследовании по истории Европы в XIX в., проявляет определенное искусство не только ни разу не назвав революцию буржуазной, но и не сказав, кажется, ни разу вообще "буржуазия", "буржуа" и т.п.

Вопрос, поставленный Александром Викторовичем в докладе - кого можно считать "буржуазией" во Франции XVIII в.? - не нов, но по-прежнему актуален. Единого или хоть сколько-нибудь общепризнанного мнения по этому вопросу нет, историки, на мой взгляд, вообще вряд ли в ближайшем обозримом будущем придут к выводу, что эта проблема решена. Хорошо то, что сегодня на "круглом столе" мы не отмахиваемся от этой проблематики, не относим эту задачу в разряд непознаваемых. Актуальность поставленной здесь темы оттеняется нынешним резким падением на рубеже двух тысячелетий престижа социальной истории, разговорами о "конце социальной истории".

Я хотел бы сейчас не столько ответить на поставленные в докладе вопросы, сколько высказать некоторые соображения по поводу возможных путей поиска ответов на них.

Французская революция может рассматриваться в нескольких тематических направлениях. Основные из них (с учетом всей относительности их разделения): политическая, экономическая, социальная и культурная история. К какому из этих тематических направлений принадлежит проблема "Французская революция и буржуазия"? Проблема "Французская революция и буржуазия" в наибольшей степени соответствует социальной истории. Эта "принадлежность" определяется присутствием в постановке проблемы социальной категории: "буржуазия". Но и "социальная история" может толковаться по-разному: как история социальных "проблем" общества в целом, как история повседневной жизни, как история трудящихся классов, как история ментальностей, как история социальных движений и революций и т.д. (Артур Марвик раскладывает социальную историю как минимум на десять составляющих). Долгое время под влиянием марксизма львиная доля внимания в социальной истории уделялась как раз классам. Бурный подъем социальной истории в 60-70-е годы привел к замене прямолинейно-классового подхода более сложной и нюансированной картиной социальных структур общества с многочисленными промежуточными слоями и стратами. Если в классической социальной истории под понятием "социальная структура" подразумевалось, как правило, классовое расслоение, то в так называемой "новой социальной истории" под "социальной структурой" понимают систему

иерархически взаимосвязанных социальных позиций, которые фиксируют общественное положение, права и обязанности людей, совокупности их ролевых предписаний. "Буржуазия" рассматривается как один из горизонтальных срезов общественной системы.

Определенная, как выразился докладчик, "аллергия" у наших современных историков на марксистско-ленинскую методологию, казалось бы, должна побудить нас к поискам новых "смыслов". Но, помимо того, что общая оценка Революции будет всегда детерминирована исследовательской эпистемологией, возможности социального анализа Французской революции детерминированы уровнем теоретических представлений о структуре общества, функциях и сущностных характеристиках его страт. То есть мы должны наш исследовательский инструментарий - все понятия и термины от "буржуазии" до "класса" - выверить с точки зрения современной теории социологии. Мы должны определиться, что именно - место ли в системе производства, род занятий, образ жизни, общий комплекс идей или материальное благосостояние - отличает буржуазию от других групп населения. Что это - социально-экономическая или, может быть, историко-культурная категория? В последнем случае проблема "Французская революция и буржуазия" может уже рассматриваться в контексте культурной истории. Дело в том, что, слово всегда тянет за собой мысль и, используя термин "буржуазия", мы невольно экстраполируем наши сегодняшние собственные (отрефлексированные или нет) представления на события более чем двухсотлетней давности. На мой взгляд, призыв А.Собуля: "договоримся о необходимых концепциях и определениях" не потерял свою актуальность не только в узко историческом, но и в общетеоретическом плане.

Всякий анализ нуждается в подходящем орудии, то есть - языке, четком и недвусмысленном понятийном аппарате. О повышенном интересе к инструментарию историка Революции как раз и свидетельствуют, на мой взгляд, публикации различных "Словарей". Мы стали свидетелями появления в историографии представлений о множественности "буржуазий" во французском обществе XVIII в. Мне кажется, что сама эта множественность, "многосмысленность" термина снижает эффективность его дефиниционной функции, делает его расплывчатым, собирательным.

С другой стороны, оперирование категориями "буржуазия" и "дворянство", противопоставление их - оставляет нас в рамках классического понимания теории классовой борьбы. Сопоставляя уровни благосостояния дворянства и буржуазии накануне революции, мы не должны забывать об эластичности границы между этими сословиями, о стремлении многих богатых "буржуа" стать аноблированным дворянством, т.е о "социальной мобильности". Поиски "буржуазии" не могут ограничиваться рамками третьего сословия. Соотношение между "буржуазией" и "третьим сословием" нельзя квалифицировать как соотношение между более узким и более широким понятиями.

Мне не кажется, что споры о дефинициях бесплодны и устарели. Увлечение постмодернистскими установками как пришло, так и пройдет (в западной историографии, кажется, уже проходит), проблемы же взаимопонимания как в "высокой" науке, так и в диалоге историк - читатель останутся. Единых дефиниций нет и быть, наверное, не может, но и вообще без них рассуждения по проблеме, в той форме, в какой она сформулирована на нашем "круглом столе" "Французская революция и буржуазия" будут содержать в себе потенциал двусмысленности. Речь идет о том, чтобы историк представлял читателю хотя бы свою отрефлексированную систему координат. Это условие научной корректности, может быть, отчасти объясняется также увлечением профессиональных исследователей эго-историей, поощрением исповедального стиля в исторических трудах.

Согласно теории Маркса, в структурном плане "буржуазия" должна определяться отношением к средствам производства. Для эффективной политической деятельности "буржуазии" необходимо еще классовое самосознание "буржуа". Сам момент и сама конкретная форма перехода от одной стадии развития к другой во многом зависят от сознания реальных людей, их способности к индивидуальным и коллективным действиям. В новейшей социальной истории любое социальное изменение, тем более происходящее в революционный момент истории, рассматривается как процесс, который включает в себя, помимо всего прочего, еще и "реорганизацию умов", изменения в ценностях, модификацию сознания, которые приводят к новому видению мира. Эти изменения находят отражение в языке, в понятиях и терминах.

Еще М.Блок призывал хранить "верность историческому смыслу слова", то есть истолковывать то или иное историческое понятие только в соответствии с речевым обиходом данного времени. Всякий язык содержит элемент неопределенности; по прошествии времени эта неопределенность усиливается. Дело в том, что семантические мутации происходят, как правило, исподволь, они становятся заметны где-то через 10-15 лет (тогда мы начинаем вздыхать: "В наше время это называлось по-другому"). В революционные же моменты истории этот процесс может быть, на мой взгляд, ускорен. То есть нелишне, хотя бы для начальной фазы исследования, выяснить, что именовалось "буржуазией", кто имелся в виду под "буржуа" накануне революции, на отдельных ее этапах, в постреволюционной Франции. Помимо временных следует учитывать также региональные и социальные особенности смысловой интерпретации этих терминов.

Сказанное относится не только к проблеме "Французская революция и буржуазия", но и к современной социальной истории в целом. Как указывает британский историк Джон Тош, "сейчас уже очень редко исследователи выстраивают концепции своих книг вокруг "нации" или "рабочего класса" без тщательного анализа меняющегося и противоречивого значения подобных ярлыков". Я сейчас собственно напоминаю о необходимости тщательного анализа значения "ярлыка" "буржуазия".

Если мы будем пытаться вообще обойтись без анализа понятий и выражений, с помощью которых изучаемое общество мыслило себя, если мы вообще откажемся от реконструкции исторического синтаксиса, то мы будем либо искажать понятия, либо истолковывать все в общем смысле. Последнее ничуть не лучше первого, ибо проблема "общего смысла" как раз и состоит в том, что он больше соответствует нашему времени, чем времени исследуемому.

Современный понятийный аппарат и исторический синтаксис - не конечные, а отправные (или, по крайней мере, промежуточные) пункты исследования. Неотъемлемой частью предлагаемого пути исследования должно быть сопоставление герменевтики представлений о предреволюционной, революционной и постреволюционной буржуазии с социологией ее практических действий. Дело в том, что общественная практика развивается, мало заботясь о языке, о том, чтобы феноменам действительности дать адекватные и точные определения. Поэтому проблема и может быть рассмотрена в рамках дихотомии представления - практика. Таким путем от изучения самоназваний всех категорий и "статус-групп" буржуазии, от изучения самопредставлений французов XVIII в. о социальной стратификации общества мы придем отчасти к тому, что некоторые британские социальные историки называют "локальной антропологически ориентированной историей" или "микросоциальной историей" (А.Макфарлейн). "Микросоциальная история" склонна изучать все многообразие человеческих общностей, неформальных и формальных групп, различных ассоциаций и корпораций (домохозяйства, профессиональные корпорации и гильдии, институты городского управления, имущественные страты и т.п.). Микросоциальная история делает комплексный анализ локально ограниченных сообществ, дает описание и анализ реально существовавших организмов локального уровня. Тем самым начинается исход социальной истории из царства массовости и обезличенности, отказ от общей установки на усредненность и типизацию. Намечился новый подход к социальному через реконструкцию опыта индивида и микрогрупп. Причем, реконструкция эта происходит на самых разных уровнях (семейные, профессиональные, общинно-корпоративные, этнополитические структуры и т.д.). В нашем случае речь должна идти об исследовании на уровне реальных групп, исследовании социальных общностей в социологическом смысле, в отличие от социальных категорий, таких, как класс, сословие, страта, которые выделяются по объективным причинам.

Еще Томас Карлейль писал по поводу Национального собрания: "Только представьте себе, что двенадцать сотен разных людей и каждый имеет свой собственный мыслительный и речевой аппарат! В каждом заложены свои убеждения и желания, различные у всех и сходящиеся лишь в том, что Франция должна быть возрождена и что именно он должен сделать это. Двенадцать сотен отдельных сил, беспорядочно впряженных в одну повозку, по всем ее сторонам, должны, во что бы то ни стало везти ее!" Может показаться, что история - сцена, на которой действуют только личности. Но человека как "общественное существо" делает именно "общая идентичность". Историки объединяют людей в группы хотя бы по "общей тенденции мыслить и действовать определенным образом до такой степени, что их поведение в конкретной роли следует общему образцу". Изучение групповых действий не означает отрицания человеческой индивидуальности.

Вывод, который напрашивается - объяснить деятельность тех или иных социальных групп можно через просопографический подход. В этом отношении нужно отдать должное "Словарю депутатов Учредительного собрания", подготовленному под руководством Э.Х.Лёмэй, который создает коллективный образ "деятелей 1789 года", в том числе так называемого "молчаливого большинства", "среднего" депутата.

Несколько слов о постмодернистской атаке на социальную историю. Долгое время, действительно, и в либеральных, и в марксистских трудах социальная идентичность (в нашем случае буржуазная идентичность) принимала едва ли не материальную форму. С помощью этой формы отстаивалась, в том числе, и прогрессивность революционных преобразований. Эта точка зрения подверглась атаке со стороны поклонников воссоздания ментального ландшафта ("поведение людей объясняется не только их реальным положением, но и их представлениями об этом положении"), а с другой стороны, на нее напали поклонники текстуальной истории ("классы - не объективные реалии, а нестабильные дискурсы"). От многих крайностей (таких, как, например, деструктивная эпистемология сторонников "лингвистического поворота") историки сейчас отказываются, но и та, и другая атаки принесли немало пользы изучению Французской революции.

Социальные отношения между людьми являются выражениями их идей о реальности и вне их поняты быть не могут. В периоды революционных перемен идеи обладают особой силой. Интеллектуальный контекст революции можно понять не только (и не столько) через анализ воззрений признанных идеологов "буржуазии", но и через распространение новых идей посредством "однодневной" литературы (памфлетов, листовок, газетных заметок и т.п.). "Лингвистический поворот" в этом отношении открыл для историков некоторые новые возможности. Главный постулат теории дискурса: язык - это сила. Участники Французской революции живут и действуют в концептуальных рамках конкретных дискурсов; изобретаются новые формы дискурсов, утверждаются новые образцы политических и социальных действий. Не только семантический, как выше уже говорилось, но и дискурсный анализ, на мой взгляд, может привести нечто новое и в понимание термина "буржуазия". Буржуазная идентичность - не данность, а явление, возникающее в особых исторических условиях, явление подверженное изменениям. Мы должны проследить как формируются и эволюционируют в предреволюционной, революционной и постреволюционной Франции "язык буржуазии", буржуазные культурные символы, формируется соответствующая апология прочтения истории и т.д.

Если же мы "вдруг", "неожиданно" обнаружим, что буржуазная идентичность, буржуазное самосознание (буржуазии - хоть как социально-экономической, хоть как историко-культурной категории) либо отсутствовало в годы Революции, либо его роль была второстепенной, то давайте искать иные "моторы", создавать иную сеть социальных напряжений и конфликтов.

Еще в середине 80-х годов социальные историки (Ч.Тилли) провозгласили главной задачей реконструкцию человеческого опыта переживания крупных структурных изменений. Изучение повседневной жизни простых людей в период Революции, формирования новых социальных интересов, изучение тех понятий и ценностей, в которых эти социальные отношения выражаются. Мы должны представить себе как французы конца XVIII в. вели себя по отношению к друг другу в реальных ситуациях непосредственного общения, в ситуациях как нормальных, так и аномальных. Как, не поняв даже этого, мы сможем тогда понять взаимоотношения более формальных структур, возвышающихся над индивидом? Мы не должны рассматривать принадлежность того или иного индивида к "буржуазии" как некую данность, мы не должны рассматривать взаимоотношения между "буржуа" как априорно установленные. Мы должны определить, каким способом сами эти взаимоотношения и порождают ту социальную страту, которую называют буржуазия.

Революция - массовое движение, требующее индивидуальных решений. Ответ на вопрос: как унаследованные традиции, обычаи, представления определяют поведение людей (я не имею сейчас в виду маргинальные слои) в революционные моменты истории (а, следовательно, и сам ход событий), требует выхода на уровень анализа индивидуальной деятельности. Если нас интересует выбор людей, вступивших в революцию, то, чем обуславливается, ограничивается, направляется их выбор решений, мотивы их поступков, их приоритеты и самооценка, соотношение массовых стереотипов и реальных действий индивида, насколько сильны были внешние факторы и устойчивы внутренние импульсы, то мы должны перенести центр тяжести исследовательского внимания с групп на индивидов. Исследовательский интерес смещается от общностей и социальных групп к историческим индивидам, от "буржуазии" - к буржуа. Но эта исследовательская установка по сути все же является интегральной. Охлаждение к макроистории и всплеск интереса к микроистории произошел еще в 80-е годы. Но уже в 90-е парадигма исследовательского интереса приняла вид траектории полета бумеранга. Между "биографией и контекстом всегда существует обратная связь" (Дж.Леви). Микроуровень исследования не исключает обратную связь с макроуровнем. Поэтому в идеале персональная история должна быть историей, понятой через личность.

Задача интегрировать портреты тех или иных буржуа в историю Французской революции не может быть решена простым сложением эпизодов. "Важным инструментом нового исторического объяснения мог бы стать многоаспектный и комплексный ситуационный анализ, позволяющий реконструировать индивидуальное событие в его целостности (включая механизм принятия решения), то есть раскрыть конкретную совокупность условий, мотивов, действий, переживаний, восприятий и реакций, а также последствий человеческих поступков". (Л.П.Репина). После установления вариантов таких персональных практических решений и можно перейти к изучению коллективного опыта "буржуазии" в ходе Французской революции. Функционирование индивида в социуме может быть раскрыто посредством сложной многоступенчатой иерархии исследовательских процедур, которые, впрочем, уже описаны в специальной литературе. Микро- и макросоциальные истории, буржуа и буржуазия, (и общество, и Французская революция) в теоретическом плане могут быть состыкованы (синтезированы) в модели последовательного ситуационного взаимодействия.

А.В.Чудинов. Прежде всего, хочу поблагодарить собравшихся за то, что откликнулись на приглашение принять участие в нашем "круглом столе". Необходимость такой дискуссии явно назрела, в чем убеждают все прозвучавшие здесь выступления. Прежняя, долгое время доминировавшая в отечественной историографии трактовка Французской революции, увы, существенно устарела. Какую из сторон этой, достаточно цельной и внешне вполне гармоничной теоретической конструкции мы не возьмем, она при соприкосновении с конкретным фактическим материалом рассыпается в прах, как убедительно показал на термидорианском примере Д.Ю.Бовыкин.

Я полностью согласен с А.В.Гордоном в том, что необходимо концептуальное переосмысление Революции в контексте новой парадигмы, отвечающей реалиям сегодняшнего дня. Но какую бы материальную форму такое переосмысление ни приняло - обобщающий ли труд или, как предложила З.А.Чеканцева, исторический лексикон, - совершенно ясно, что оно может быть осуществлено лишь силами сообщества историков, занимающихся данной проблематикой. Разумеется, это не означает призыва к некоей методологической унификации: мы, к счастью, все разные, и предпочтения наши, как мировоззренческие, так и методологические, тоже разные. Однако для того, чтобы вести диалог, нам, как минимум, нужен общий язык, уверенность, что употребляя те или иные понятия, мы вкладываем в них одинаковый смысл, о чем пока, к сожалению, приходится только мечтать. И наше обсуждение понятия "буржуазия" - некогда одного из ключевых для "классического" прочтения Французской революции и до сих пор широко употребляемого, но, в то же время, одного из наиболее амбивалентных - это подтверждает: едва ли не в каждом выступлении оно употреблялось в нескольких, порой не совпадающих друг с другом смыслах. Между тем, нельзя не согласиться с А.В.Гладышевым в том, что такая "множественность, "многосмысленность" термина снижает эффективность его дефиниционной функции".

Возможно, чтобы избежать дальнейшей путаницы, за понятием "буржуазия" применительно к периоду Французской революции надо, действительно, сохранить лишь "исторический смысл слова", то есть, прежде всего, культурно-правовой, в котором его и употребляли современники. Что же касается марксистского понятия буржуазии как общественного класса, занимающего определенное место в системе производства и т.д., то сегодня, надо признать, оно уже не входит в инструментарий большинства зарубежных историков Французской революции (причем, даже "классического" направления), поскольку не позволяет осуществлять социальный анализ на уровне, адекватном современным требованиям историописания. Происходящие в последние десятилетия кардинальные трансформации исторического познания вызывают к жизни новые, более гибкие понятия, обладающие большим эпистемологическим потенциалом. Так, во французской историографии Революции с середины 60-х годов весьма плодотворно используется понятие "просвещенная элита"(116). В нашей научной литературе оно пока не получило широкого распространения, однако первый опыт его коллективной разработки (в одном из разделов "Французского ежегодника. 2001") дал обнадеживающие результаты.

Не могу согласиться с В.П.Смирновым и С.Е.Летчфордом относительно познавательной ценности определения "буржуазная" применительно к Французской революции. Являясь частью марксистской парадигмы, понятие "буржуазная революция" имело смысл лишь в общем контексте теории общественно-экономических формаций, где выступало в качестве ключевого элемента перехода от феодальной формации к капиталистической. Крах прежней интерпретации революционных событий конца XVIII в. в рамках формационной схемы, обусловленный результатами конкретно-исторических исследований последних 15-20 лет(117), лишил понятие "Французская буржуазная революция" эпистемологического содержания. Что сегодня может означать определение "буржуазная" в подобном словосочетании? Во всяком случае, не то, что капиталистическая буржуазия, как долгое время утверждалось в марксистской историографии, играла в Революции ведущую роль. С этим согласились и все участники нашего "круглого стола".

Тогда что? Может быть, то, что капиталистическая буржуазия больше всех выиграла от Революции? Едва ли, если вспомнить о вызванном Революцией и последующими войнами многолетнем экономическом кризисе, разорившем множество предпринимателей. Вот лишь один, но весьма красноречивый пример. Сферой, где капиталистическое предпринимательство в дореволюционной Франции развивалось наиболее динамично, была заморская торговля. По ее объему французы уступали только англичанам, а по темпам роста даже обгоняли их. В годы же Революции эта отрасль экономики претерпела такой спад, выйти из которого смогла лишь несколько десятилетий спустя: объем далеко не самого успешного 1788 г. был достигнут только в 1825 г.(118)

Но если непосредственное воздействие Революции на капиталистический сектор экономики оказалось столь губительным, то, быть может, ее отдаленные последствия способствовали его ускоренному развитию? Напротив, введение в оборот огромного объема земельных владений, лишившихся в ходе Революции прежних собственников, на многие годы ухудшило инвестиционный климат в промышленности и торговле. Владельцы капиталов отныне предпочитали вкладывать их в приобретение недвижимости как более надежной формы собственности, дававшей к тому же более высокий общественный престиж(119). Да и в сельском хозяйстве переход в результате Революции значительной части земли к крестьянам серьезно затормозил аграрный переворот: "Шедшая в этот период парцелляция земельной собственности в сочетании с сохранением традиционных общинных институтов вела к тому, что даже обнищавший крестьянин имел возможность не покидать деревню, обладая клочком земли и обращаясь к общинным угодьям и правам пользования. Это усиливало аграрное перенаселение, задерживало отлив бедноты в города и создавало в деревнях громадный резерв рабочей силы, остро нуждавшейся в дополнительном заработке. Тем самым продлевалась во времени относительная стойкость "доиндустриальных" (ремесленных и мануфактурных) форм промышленного производства, прибыльность которых обеспечивалась использованием дешевого труда деревенской бедноты, а не модернизацией с применением машин и новой технологии. Агротехническая перестройка также шла замедленно, черты традиционной системы ведения хозяйства обнаруживали большую живучесть..."(120)

Разумеется, мы все хорошо помним, что Революция покончила с корпоративными ограничениями, мешавшими капиталистическому развитию экономики. Но разве программа ликвидации таких ограничений не была выдвинута еще правительствами Старого порядка? Более того, королевские министры порой действовали едва ли не более революционно, чем впоследствии сами революционеры. Хорошо известно, какую решимость проявил Тюрго, проводя эдикт об отмене цехов. Учредительное же собрание колебалось почти два года, прежде чем последовало его примеру. Принятый 4 августа 1789 г., вместе с отменой прочих привилегий, пункт о ликвидации цехов исчез из окончательного текста декрета 11 августа. Эту реформу Собрание осуществило только в марте 1791 г.(121) Если следовать логике "объективного соответствия" политики интересам той или иной социальной группы, не придется ли нам признать в данном отношении политику правительства Тюрго столь же "буржуазной", как и политику революционеров?

Разумеется, каждый из нас "обладает правом на все буквы алфавита". Важно только, чтобы слова, которые мы из них складываем, имели реальное содержание и воспринимались собеседником именно в том смысле, который мы пытаемся им придать. Думаю, состоявшая дискуссия поможет нам лучше понимать друг друга относительно тех важнейших исторических понятий, которые были предметом нашего обсуждения.

Проблемы якобинской диктатуры: дискуссии 1970 и 1995 гг.:

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_95_jacobdict.htm

См. также ссылки на электронные тексты в примечаниях.

1. Burke E. Reflections on the Revolution in France // The Works of the Rt. Hon. Edmund Burke. L., 1808. Vol. 5. P. 204-207.

2. Mackintosh J. Vindiciae Gallicae // Mackintosh J. The Miscellaneous Works. Philadelphia, 1846. P. 426.

3. Подробнее см.: Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э.Бёрк, Дж.Макинтош, У.Годвин. М., 1996. С. 87.

4. Минье Ф. История Французской революции. СПб., 1906. С.34.
5. Там же. С.155.
6. Собуль А. Классическая историография Французской революции о нынешних спорах // Французский ежегодник. 1976. М., 1978. С. 155.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.259.
8. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Там же. Т.6. С.114.
9. Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С.206-207. (Текст в сети: http://community.livejournal.com/znanie_vlast/89047.html)
10. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции: 1789-1814. СПб., 1996. С.505.
11. Подробнее см.: Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник (Далее - ФЕ). 2000. М., 2000. С. 7-9.
12. См.: Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы "круглого стола" 19-20 сентября 1988 г.). М., 1989.
13. Ревякин А.В. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М., 1988; Он же. Французская революция и буржуазия // Французский ежегодник. 1987. М., 1989. (Текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf)
14. См.: Французская революция XVIII в. Указатель литературы на русском языке за 1986-1999 гг. // ФЕ. 2000. М., 2000.
15. Актуальные проблемы... С.93.
16. Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т.4. С.127.
17. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 1995. С.105.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.421.
19. Там же. Т. 6. С. 115.
20. Французская буржуазная революция/ Под. ред. В.П.Волгина и Е.В.Тарле. М., Л., 1941. С. 7.
21. См.: Манфред А.З. Указ. соч. С. 27-28; Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 34.
22. Всемирная история. Т. 16. Европа под влиянием Франции. М., 2000. С.7, 15.
23. Новая история стран Европы и Америки/ Под ред. Е.Е. Юровской и И.М.Кривогуза. М., 1997. С. 67.
24. См.: Cobban A. The Myth of the French Revolution // Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968.
25. Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964. P. 55.
26. Ibid. P. 58.
27. Манфред А.З. Указ. соч. С. 322.
28. См., например: Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции конца XVIII века (1945-1993 гг.). Брянск, 1995; Comninel G. Rethinking of the French Revolution: Marxism and the Revisionist Challenge. L., 1987; Doyle W. Des origines de la Rйvolution franзaise. P., 1988. Ch. 1.
29. Lefebvre G. Le mythe de la Rйvolution franзaise // Annales historiques de la Rйvolution franзaise. 1956. N 145. P. 342.
30. Собуль А. Указ. соч. С. 163.
31. Там же. С. 169.
32. Кожокин Е.М. Французская буржуазия на исходе Старого порядка // Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989. С. 32. (Текст в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf>)
33. Там же. С. 35.
34. См.: Там же. С. 33-35.
35. Doyle W. Des origines... P. 172.
36. Ibid. P. 177-178.
37. Goubert P., Roche D. Les Franzais et l'ancien Rйgime. P., 1984. Т. 1. P. 170-185.
38. См., например: Кожокин Е.М. Указ. соч. С. 25-27; Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1987. С. 48-50; Richard G. Noblesse d'affaires au XVIII siicle. P., 1974.
39. См.: Собуль А. Указ. соч. С. 164.

40. В отсутствие четких критериев понятия "буржуазия", французские историки решают эту задачу каждый по своему. Причем, даже те из них, кто тяготеет к Обществу робеспьеристских исследований, объединяющему сторонников "классической интерпретации", находят сегодня возможным употреблять это понятие во множественном числе - "буржуазии" (см., например, сборник статей *Bourgeoisies de province et Révolution*. P., 1987), хотя, как мы видели, еще относительно недавно Собыль расценивал подобное дробление понятия ни больше ни меньше как покушение на теорию классово-борьбы. Перечень же таких "буржуазий" каждый историк, похоже, определяет сам. Так, Ж.Л.Иссартель, анализируя социо-профессиональный состав местных органов власти в регионе Средней Роны, выделяет "буржуазия Старого порядка", "торговую буржуазия" и "фабричную буржуазия". - Issartel J.L. *Sociétés populaires et élections dans la région du Rhône moyen (1791-an II) // Annales historiques de la Révolution française..* 1998. N° 314. P. 615, 618.
41. Cobban A. *The Social Interpretation...* P. 54-67.
42. Cobban A. *The Myth of the French Revolution*. P. 111.
43. Doyle W. *The Price of Offices in Pre-Revolutionary France // Historical Journal*. 1984. N° 27. Впрочем, в научной литературе высказывалось также мнение, что, несмотря на некоторое подорожание должностей к концу Старого порядка, на протяжении предшествовавшего этому столетия все же преобладала тенденция к падению цен на них. - См.: Mousnier R. *Les Institutions de la France sous la monarchie absolue*. P., 1980. Vol. 2. P. 346-347; Малов В.Н. Ж.-Б.Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 100-101.
44. Berlanstein L.R. *The Barristers of Toulouse in the Eighteenth Century (1740-1793)*. Baltimore, 1975. P. 3, 47-55.
45. *Ibid.* P. 55-60, 67-77.
46. *Ibid.* P. 34-35.
47. *Ibid.* P. 141 et suiv.
48. Sentou J. *Fortunes et groupes sociaux a Toulouse sous la Révolution*. Toulouse, 1969. P. 469.
49. Godechot J. *La Révolution française dans le Midi toulousain*. Toulouse, 1986. P. 33.
50. Как писал современник, "это будто два разных народа, которые под именем марсельцев составляют один". - См.: Carrière Ch. *Négociants marseillais au XVIII siècle: Contribution a l'études des économies maritimes*. P., 1973. T. 1. P. 248; Кожокин Е.М. Указ. соч. С. 34.
51. Scott W. *The urban bourgeoisie in the French revolution: Marseille, 1789-92 // Reshaping France: town, country and region during the French Revolution / Ed. by A.Forrest, P. Jones*. Manchester, 1991. P. 86-104.
52. См., например: Goubert P., Roche D. *Op. cit.* P. 184.
53. Hirsch J.P. *Les milieux du commerce, l'esprit de système et le pouvoir, a la veille de la Révolution // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*. 1975. N° 6. P. 1361.
54. *Ibid.* P. 1355.
55. *Ibid.* P. 1364.
56. Lemay E.H. *La Composition de l'Assemblée nationale constituante: les hommes de la continuité? // Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1977. N° 24; *Idem.* *Les Révolutions d'un dictionnaire: du nouveau sur la composition de l'Assemblée nationale constituante (1789-1791) // Annales historiques de la Révolution française*. 1991. N° 284; Lemay E.H., Patrick A. *Revolutionaries at work: The Constituent Assembly 1789-1791*. Oxford, 1996; Лёмэй Э.Х. Как умирали "отцы революции" // *Исторические этюды о Французской революции*. Памяти В.М.Далина. М., 1998.
57. Lemay E.H. *Dictionnaire des Constituants, 1789-1991*. P., 1991. 2 vols. Об этом издании см. также: Тырсенко А.В. *Новый опыт биографического словаря: "Словарь депутатов Учредительного собрания Эдны Хинди Лёмэй // Исторические этюды...*
58. Cobban A. *The Myth of the French Revolution*. P. 110-111; Lemay E.H. *Les Révolutions d'un dictionnaire*. P. 177-178.
59. Lemay E.H. *Les Révolutions d'un dictionnaire*. P. 177-178.
60. Cobban A. *The Myth of the French Revolution*. P. 110-111.
61. Подробнее см.: Чудинов А.В. *Депутаты-предприниматели в Учредительном собрании (1789-1791 гг.) // ФЕ*. 2001. М., 2001.
62. Манфред А.З. Указ. соч. С. 125. Ср. характеристику конституционалистов-фельянов В.Г.Ревуненковым: Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 116, 147. См. также: *Всемирная история*. Т. 16. С. 28.
63. Манфред А.З. Указ. соч. С. 143. Ср.: Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 147-148; *Всемирная история*. Т. 16. С. 28, 39.
64. Манфред А.З. Указ. соч. С. 126.
65. Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 415.
66. Манфред А.З. Указ. соч. С. 205. Она же - "термидорианская крупная буржуазия" (*Всемирная история*. Т. 16. С. 69, 73).

67. "На исходе XX века, - констатирует известный социолог общественного мнения, - "революция" как идол массового воображения и как понятийный комплекс, по-видимому, исчерпала свои возможности" (Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С. 162).
68. "Если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции", по четкой формуле русского революционера и мыслителя (Кропоткин П.А. Великая французская революция. М., 1979. С.19).
69. См.: Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время великой буржуазной революции конца XVIII века. М.,1971. С. 13.
70. Кропоткин П.А. Указ.соч. С. 5.
71. Отождествление революционности и "прогрессивности" еще в начале века вызывало сопротивление (достаточно вспомнить Жореса или оценку "объективной реакционности" "бешеных" в ранних работах Я.М.Захера).
72. Интересное наблюдение о внезапности распространения, универсальной проницаемости и подсознательной значимости новых понятий сделал еще Н.М.Карамзин (Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 226).
73. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. М., 1948. Т. 1. С. 238.
74. Французская буржуазная революция. 1789-1794. М., 1941. С. 490.
75. История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 71.
76. Манфред А.З. Великая Французская революция. М., 1983. С. 198.
77. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб, 1996. С. 415.
78. Larevelliere-Lyreaux L. Mémoires de Larevelliere-Lyreaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national. P., 1895. Vol. 1. P. 214.
79. Kuscinski A. Dictionnaire des conventionnels. Yvelines, 1973. P. 579.
80. Charles-Vallin T. Tallien. Le mal-aimé de la Révolution. P., 1997. P. 241.
81. История Франции. Т. 2. С. 56.
82. Моносов С. Якобинский клуб. М., 1925. (Правильное название – «Очерки по истории якобинского клуба». Текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/monosov_jc.htm)
83. Тарле Е.В. Жерминаль и прерияль. М., 1957. С. 44-45.
84. Манфред А.З. Указ. соч. С. 199.
85. Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 420.
86. История Франции. Т. 2. С. 74.
87. Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 420.
88. Манфред А.З. Указ. соч. С. 200.
89. История Франции. Т. 2. С. 76.
90. Добролюбский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930. С. 248. (Текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm)
91. Тарле Е.В. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Пг., 1918. С. 112. (Текст в нашей библиотеке: http://narod.ru/disk/11359198000/tarle_lab.pdf.html)
92. Larevelliere-Lyreaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 214.
93. Добролюбский К.П. Указ. соч. С. 247.
94. История Франции. Т. 2. С. 83.
95. Ревуненков В.Г. Наполеон и революция. 1789-1815. СПб., 1999. С. 19.
96. История Франции. Т. 2. С. 84; Манфред А.З. Указ. соч. С. 205; Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. С. 429.
97. Les Constitutions de la France depuis 1789. P., 1994. P. 33, 80.
98. Гордон А.В. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г. // ФЕ. 1972. М., 1974. С.155. (Текст в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon5.pdf>)
99. Baudot M.A. Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974. P. 93.
100. Цит. по: Peltier J.G. Paris pendant l'année 1795. Londres, 1795. Vol. 1. N 7. 18.VII.95. P. 417-418.
101. Цит. по: Ibid. Vol.2. N 16. 19.IX.95. P. 503-505.
102. Цит. по: Aulard A. La Constitution de l'an III et la République bourgeoise // La Révolution française. 1900. Vol. 38. P. 123.
103. Archives Nationales. C 228. D.183 bis * 5/3. Doc. 114.

104. Observations sur le droit de citй, et sur quelques parties du travail de la commission des onze. P., III. P. 1.
105. Rйimpression de l'ancien Moniteur. P., 1854. T. 25. P. 92, 93.
106. Ibid. P. 561.
107. Sentou J. Op. cit. P. 61-75, 146, 157, 470.
108. Butel P. Les нйgociants bordelais. L'Europe et les Oles au XVIIIe siacle. P., 1971. P. 294-295.
109. Poussou J.P. Bordeaux et Sud-Ouest au XVIIIe siacle. P., 1983. P. 311.
110. Carriere Ch. Op. cit. P. 811.
111. Butel P. Op. cit. P. 376-379.
112. Ibid. P. 300.
113. Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб.,ё 1998.
114. См. подробнее: Recherches sur la Rйvolution Un bilan des travaux scientifiques du Bicentenaire. P.1991. T. 1-2.
115. Февр Л. Общий взгляд на социальную историю капитализма // Февр Л. Бои за историю. М., 1994.
116. Подробнее см.: Чудинов А.В. Просвещенная элита (к истории понятия) // ФЕ. 2001.
117. Подробнее см.: Чудинов А.В. Прощание с эпохой (размышления над книгой В.Г.Ревуненкова) // Вопросы истории. 1998. N° 7; Он же. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография.
118. См.: Crouzet F. De la supйrioritй de l'Angleterre sur la France. XVIIIe siacle. P., 1985.
119. См., например: Ревякин А.В. Буржуазия после Французской революции (первая половина XIX в.) // Буржуазия и Великая французская революция. С. 150.
120. Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С.365. (Текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ado_agrar.htm)
121. Киселева Е.В. Буржуазия во время Великой французской революции // Актуальные проблемы... С. 132.